

Анжон Емельянов и Сергей Савинов

Крылатая война

1915

Сергей Савинов

Крылатая война. 1915. Книга 1

«Емельянов Антон»

«Савинов С.А.»

2026

Савинов С. А.

Крылатая война. 1915. Книга 1 / С. А. Савинов — «Емельянов Антон», «Савинов С.А.», 2026

Я всегда мечтал летать. На МиГе как дед, на «Сушке» как отец – не важно! Но не сложилось в этой жизни, а потом... Чужая «Цессна» неожиданно оказалась в небе Первой Мировой в 1915 году. Там, где средний срок «жизни» пилота – 6 недель, где «Фоккеры» еще год будут уничтожать все, что движется, где... возраст совсем не такая уж и помеха. Особенно если пахать, если побороть страхи, если малолетние идиоты не пустят под откос итог не только этой войны, но и следующей. Почему мне не могло повезти так как всем остальным нормальным попаданцам?

© Савинов С. А., 2026

© Емельянов Антон, 2026

© Савинов С.А., 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Савинов

Крылатая война. 1915. Книга 1

Глава 1

Тайное правило пощаданцев: при появлении в другом времени погибший получает часть сил и умений того, кто его убил. Или из-за кого он погиб.

Санкт-Петербург, Россия, сегодня

– Как думаешь, это препод?

– Мне кажется, батя одного из этих маменькиных сынков...

– А мне, что все-таки препод. Рядом с ним же никого нет.

– Для препода он слишком просто одет. И явно нервничает, чего-то ждет...

Стайка подростков – два парня и девушка – обсуждали меня, совершенно не обращая внимания на то, как это выглядело со стороны. Впрочем, как будто я в восемнадцать от них сильно отличался. Сколько глупостей говорил и сколько делал. Да и сейчас между нами было кое-что общее. Большая часть поступающих ответили на вопросы и убежали домой, не дожидаясь результатов психологического отбора – все равно позвонят или списки вывесят. А мы ждем.

«В пятый раз у тебя обязательно получится, – телефон пиликнул сообщением от сменщика Мишки. – Мертвые вещают, что духи предков благословляют тебя».

И фотография среди свежего пополнения прозекторской. Белые стены морга, трупы и тонны бумаг, от постановлений о назначении судмедэкспертизы до первичных осмотров.

«В пятый раз или вилкой в глаз», – еще одно пожелание. На этот раз от главврача, который к своим шестидесяти обзавелся довольно специфическим чувством юмора.

«Ваня, вы обязательно справитесь! Не забывайте нас, когда поступите!» – а это медсестры. Хотя кто-то в нашем сумасшедшем доме может сказать что-то нормальное.

Я спрятал телефон, а взгляд опять вернулся к троице, все еще шушукающейся у дальней стены. Длинный каждым своим жестом словно пытался доказать миру, что ему плевать. От самого громкого, мажорчика, ощутимо несло алкоголем – и где только успел найти и выпить? Ну и девчонка – ничего не имею против девушек в авиации, но... На ней было столько украшений, что, казалось, только на них можно целый самолет купить. Что их тянет в небо?

– Эй, старик! – мой взгляд заметили, и троица во главе с активным мажорчиком потянулась ко мне. – Скажи, а ты с кем-то тут или препод?

Старик? А мне ведь всего тридцать пять. Обидно, но с другой стороны... Когда-то и мне даже двадцатилетние казались взрослыми, а тридцатилетний отец и вовсе богом, познавшим жизнь. Смешно.

– Если я препод, то стоило ли грубить и портить отношения? – я улыбнулся.

Вот и познакомимся с будущими одноклассниками.

– Да ладно, – мажорчик махнул рукой. – У меня батя с такими людьми дела ведет, что завалить меня незаслуженно не выйдет. А заслуженно – не справитесь, я для вас слишком умный.

Длинный хихикнул, девушка еле заметно улыбнулась. Нет, именно таким я точно не был.

– Я не препод, – ответил я.

– Батя? – хмыкнула девушка.

– Тоже поступаю.

– Врешь. Ты же старый!

– Это гражданский университет, ограничений по возрасту нет. Вот в военную авиацию – да, туда все сроки я уже пропустил, – горло свело, но я постарался не обращать на это внимание.

– Гражданский или нет, все равно в вашем возрасте – без шансов, – длинный словно обиделся, что его оттерли на задний план, и тревожно забегал глазами. – Для начала ВЛЭК¹...
Забавный он, пытается хамить на «вы».

– На психотбор допускают только тех, кто уже прошел врачебку, – девушка оборвала длинного, и тот покраснел. – Значит, старик пусть по краю, но сдал все нормативы. Даже интересно как.

– Тренировался, – я незаметно для себя втянулся в разговор и с любопытством гадал, чем он может закончиться.

– Тебе же уже за тридцать?

– Тридцать пять.

– Точно старик. И все сдал?

– Говорю же, тренировался. В моем возрасте если не семья, то времени может на все хватить.

– И зрение тренировал? – длинный тоже перешел на «ты». – Конечно, круто сказать, какой ты спортсмен, но... Глаза либо есть, либо нет.

– Меня еще дед учил, – всегда, когда вспоминаю, наваливается грусть и голос становится немного потусторонним. – Рисуешь маленький квадратик на стекле, садишься. Смотришь, не двигаясь, сначала на него, потом вдаль. На него, вдаль, и так хотя бы пять минут в день. Наверно, это не очень современная методика, но тут как с гантелями – если регулярно ими шевелить, то современно не современно, а мышцы подкачаются.

– Ладно, ВЛЭК ты сдал, ППО² тоже пройдешь, но... Все равно у тебя нет шансов, – длинный не сдавался. – Тебе почти сорок: пять лет учебы, потом набирать налет часов – в твоём возрасте нормальные пилоты уже становятся командирами воздушного судна, а ты... Во сколько приличная авиакомпания сможет тебе хоть что-то доверить? Уже на пенсии.

– Серьезно, – молчавший до этого мажорчик важно кивнул. – При прочих равных всегда возьмут того, кто помоложе. А ты вряд ли набрал слишком много на ЕГЭ.

– Ты же не забыл его пересдать? – хихикнула девчонка.

– Не забыл, конечно. И про баллы знаю, из-за них пролетел в позапрошлом и прошлом году, но в этот раз подготовился, – я на самом деле гордился тем, сколько просидел за учебниками и тестами. – Подтянул на пересдаче до 90, 91 и 93 баллов.

– Неплохо, – мажорчик уважительно кивнул. – Получается, 270 плюс. В прошлом году брали 240-280, так что с результатом среди лучших шансы у тебя на самом деле есть. Вот же упорные вы, старики, бываете.

А он странный. Вроде бы и переходит все рамки, но делает это так искренне, что просто нет смысла на такое обижаться.

– А у вас сколько? – мне тоже стало интересно.

– У меня 95-97, – мажорчик хмыкнул. – Виталик – это бабушкин вундеркинд, обошел меня на один балл в среднем. Ну и Лена...

– Не называй меня по имени! – тут же оборвала его девушка.

– Хорошо, Корона, как она предпочитает – у нас и вовсе гений. Если нас еще и можно было обойти, то у нее все сотки.

А ведь он в точку попал. Я знал, что будет тяжело, но где-то в глубине души жила надежда, что труд и опыт все равно помогут стать лучшим. Не судьба. Более того, если посмотреть правде в глаза, тот же ВЛЭК я сдал уже по самому краю. Справлюсь я дальше или нет, этот

¹ Врачебно-летная экспертная комиссия

² Профессионально-психологический отбор

год у меня последний... Возможно, что-то такое мелькнуло на моем лице, потому что Корона неожиданно решила меня поддержать. Или ей просто самой захотелось это вспомнить?

– Мне дед рассказывал в свое время пару случаев с войны. С той еще... – она неискренне поморщилась. – К ним в эскадрилью приходили старики вроде тебя. В мирное время их бы никто не взял, но, когда немцы дошли до Москвы, критерии отбора стали попроще. Так вот те старики пахали в разы больше остальных! Половина все равно погибала в первом же вылете – не хватало ни реакции, ни опыта, ни умения учиться. Зато другие выгрызали себе место под небом, становились лучшими.

– Не могли они стать лучшими, – длинный снова начал спорить. – Ты же сама сказала. Обучаемости – нет! Реакции – нет! А даже на самолетах сороковых доли секунды могли решить исход боя.

– Ты прав, – девушка кивнула, как будто бы и вправду соглашаясь. – Они не могли стать лучшими. Вот никак не могли! Но становились. На войне и особенно в небе иногда такое бывает.

Она прикрыла глаза, и через образ избалованной девчонки на мгновение проступило что-то большее. Нет, не получилось разглядеть... Но я невольно вспомнил, как это было у меня, и не смог удержать это внутри.

– Мой дед тоже летал, – я не рассказывал это никому уже очень давно, а сейчас слова будто сами срывались с языка. – Он перед войной работал в цеху, занимался в аэроклубе. Как грянул сорок первый, ушел в Краснодарскую школу пилотов – полетел в Курской битве, помогал форсировать Днепр, освобождал Белоруссию и брал Берлин... Кажется, уже много? Но потом был еще пятьдесят первый год, КНДР, сражения с Ф-80, Ф-84 и даже «Сейберами». Больше десяти подтвержденных сбитых самолетов. Потом, увы, возраст, пришлось оставить небо, но дед всегда любил о нем говорить...

– Это тот дед, что тебя квадрату научил? – мажорчик сказал это уже совсем не так, как раньше.

– Он. И я всегда хотел тоже... Стать военным летчиком.

– А почему не пошел, как все, в восемнадцать? – Корона склонила голову набок.

– Дед, – сейчас я мог уже даже усмехнуться, говоря об этом. – Он приказал отцу, который тогда сидел в комиссии, чтобы тот меня не допустил. Мол, слишком много думаю.

– Аха-ха-ха, – длинный неуверенно хохотнул. – Ты что, тормоз?

– Нет, – снова оборвала его Корона. – Это же про инстинкты. Кто-то может управлять самолетом чуть ли не спинным мозгом, а кто-то... Думает над каждым движением РУСа³, над каждым градусом поворота. Это смерть на войне!

– Наверно, сейчас я могу это понять. А тогда страшно обиделся, месяц с дедом не разговаривал, а потом... Он решил вспомнить былое, пошел полетать на клубном «Яке», была гроза, и вот. С тех пор его больше не видели.

– Разбился? – даже в длинном закончились запасы ехидства.

– Нет, просто пропал. Ни следов его самого, ни самолета. Я тогда окончательно решил, что ненавижу небо. Полжизни себя в этом убеждал. Еще полжизни жалел, что уже ничего не изменить, а потом... Однажды проснулся и понял, что если не военным, то хотя бы обычным пилотом, но я хочу летать! И вот всего четыре года, и я здесь.

– Всего. Это ж целая жизнь... – мажорчик хохотнул. – Кстати, можешь называть меня Немец. Это для друзей – болею за немецкую машину в футболе.

– А меня – Лена, – Корона тоже представилась по-новому.

А сначала ведь не хотела... Странные они, но на самом деле как будто бы и неплохие ребята. У меня на работе не так много живых людей, чтобы сказать наверняка, но вроде бы и

³ Ручка управления самолетом

поговорили хорошо. На душе даже легче стало, причем не только у меня... Неожиданно Немец встрепенулся, словно ему в голову пришла интересная идея. Или на самом деле пришла.

– Слушайте! – он замахал руками. – А как насчет того, чтобы отметить наше поступление полетом?

– Мы же еще не...

– Дождемся списков, потом берем такси и гоним на юг Финки, там у отца частный аэро-клуб. Конечно, «Яков» у них нет, но вот готовая к полету «Цессна» точно найдется. Полетаем!

По спине пробежали мурашки.

– У нас нет лицензий, разрешений... Ничего нет, – возразил я.

– Частный же клуб, там проще. И время есть! Пока ждем, пока едем, как раз подам план полета в контролируемом пространстве, и вопросов не будет, – Немец чем дальше, тем больше загорался идеей. – Каждому дам порулить.

– А если мы что-то не то сделаем? – длинный заволновался.

– Только не говорите, что вы пришли сюда, не налетав для души хотя бы десяток часов!

На крайний случай, я подстрахую, – уверенно махнул рукой Немец. – Ну и для совсем отбитых – в смысле осторожных – на нашей «Цессне» стоит пара дорогуших блоков от «Гармина». Такие и маневры опасные погасят, и даже сами посадить самолет могут, если что-то пойдет не так. Ну чего вы? Корона, соглашайся!

– Если все соберутся, можно... – девушка выдержала паузу и бросила в мою сторону быстрый взгляд. И чего это она?

– Все? – Немец на мгновение потемнел лицом, но тут же снова засиял. – Ну, Виталик уже «за». Старик, давай! Ты же летал в детстве! Неужели не хочется побыстрее повторить?

Я задумался. Нормальный взрослый человек на моем месте просто обязан был сказать «нет», потому что это ненужный риск жизнью и еще даже не полученной лицензией. Это подростки не понимают – им весело, у них все впереди, а я... Я на самом деле не очень нормальный. Не знаю, когда именно это произошло, в первую ночь с трупами или даже еще раньше. Но я совсем не боюсь смерти. А небо – я ведь начал все это, чтобы летать. Сегодня, сейчас я это точно вспомнил.

– Я за, – какой простой и приятный ответ.

– И я, – Корона тоже кивнула, и Немец победно вскинул в воздух кулак.

Дальше была секретарша со списками, по-осеннему летний Питер, такси и действительно частный клуб, где у нас даже не спросили пропуск. Хватило номеров. Короткий заезд мимо вышки, вдоль взлетной, и машина остановилась у крайнего навеса. Немец открыл с пульта двери и с гордостью показал свой самолет.

– «Цессна 172 Скайхоук». Конечно, эту модель делают еще с пятидесятых, но наша Марта совсем еще молоденькая.

Марта? Если самолет так назвал его отец... В честь кого? Возможно, Немец взял свое прозвище вовсе не из-за футбола. Впрочем, лезть в чужую душу я не собирался, а вместо этого просто подошел и провел рукой по самолету. Какой же он красивый! В длину – восемь метров, размах крыльев – одиннадцать, корпус из какого-то специального алюминиевого сплава, и кажется, что он немного подрагивает в ожидании полета.

– А вы знаете, почему самолеты чаще всего красят в белый? – длинный спросил как будто у всех, но уставился именно на меня.

Кажется, раз уж я буду взлетать с ним на борту, хочет еще раз убедиться, что я не совсем дуб в авиации. Хоть кто-то думает об осторожности – маловато, правда.

– Чтобы меньше грелись в полете. А еще на белом любые протечки, сколы и вмятины сразу же бросаются в глаза, – успокоил я его.

– А какой мотор тут стоит? – Немец тоже включился в игру.

– Скорее всего, «Ликоминг 360».

– А лошадок в нем?

– Сто восемьдесят.

– Почему крылья над кабиной, а не снизу, как у тех же «Боингов»? – Корона тоже не удержалась.

– Для обзора.

– И?

Я на мгновение растерялся: никогда не думал над такими вещами. Однако если взглянуть на процесс полета логически...

– Для устойчивости, – предположил я. – Если крыло выше, то получится, что центр тяжести самолета будет ниже точки приложения подъемной силы. Что-то вроде неваляшки. Захочешь свалиться, и такой самолет сам подстрахует неопытного пилота. Угадал?

– Один пункт из трех, – вздохнула девушка. – Еще с верхним крылом выше стабильность в боковом скольжении. Угол атаки на подветренной стороне меньше из-за фюзеляжа, поэтому самолет опять же как будто сам себя выравнивает.

Рассказ про деда, теперь это – а она точно из семьи пилотов.

– А еще, – добавил уже Немец, – с верхним крылом поток воздуха сильнее бьет по хвостовому. Так что если испугаешься и будешь сбавлять скорость слишком резко, самолет начнет вибрировать. Как бы предупреждая – жми на газ, сынок, иначе сейчас будет штопор. Аха-ха-ха! Понял, сынок?

Он был очень доволен получившейся шуткой, и, кажется, оказался из тех, чье настроение очень быстро передается другим. Даже меня зацепило, и с таким же задором мы начали выгалкивать «Цесну» наружу.

– Не за крыло! За стойки толкай! – командовал Немец.

– Может, надо было буксирку прикрутить? – фыркала Корона.

– Долго, – Немца было не смутить.

Прямо на ходу он обежал самолет, что-то поправил, куда-то заглянул. Побил ногами колеса – не самый надежный способ проверить давление, но все-таки парень выглядел достаточно уверенно. Мы направили нос «Цесны» в сторону взлетной полосы, и Немец скомандовал забираться внутрь. Мне на сиденье пилота: кожаное, жесткое – от одного воспоминания, каково это было раньше, еще с дедом, ладони сразу вспотели.

– Пристегните ремни, – Немец продолжал. Я думал, по памяти, но в руках он, как оказалось, держал заламинированную памятку из книги пилота. – Проверь тормоза. Есть. Автоматы в положение «вкл», есть. Переключатель топлива на оба бака и... Готовимся заводиться.

В горле встал самый настоящий ком.

– Готов.

– Поставь богатую смесь.

– Есть.

– Подкачка.

Один, два, три...

– Есть.

– Запускай.

– Есть зажигание.

Снова все сжалось, но двигатель на хорошо обслуженном самолете и не подумал капризничать.

– Теперь ждем, чтобы набрал обороты, и следим за уровнем масла.

В кабине повисла небольшая пауза, в которой старые страхи снова начали набирать силу. Вот заерзал Длинный, как я уже привычно называл про себя Виталика, вот Корона нахмурила лоб. Кажется, еще мгновение, и кто-то из них не выдержит, но...

– У меня тут бутылка шампанского есть! – взорвал тишину Немец. – Кто будет?

– Не в самолете же, – не выдержал я.

– Какие все строгие. Тогда, Старик, давай пока выставим высоту и курс для автопилота.

Вот такого у меня в детстве не было, но я уже встречался с чудесами современной безопасной авиации на тренажерах, так что ничего сложного.

– Транспондер, – напомнила Королева.

Черт, а вот про него забыл. Еще один щелчок.

– Теперь на взлетную, – Немец указал направление. – Рулим педалями. Левая – налево, правая – направо, поворачивать ими можно градусов на десять. Если нужно больше – дави тормоз, та же педаль, только выше. Ничего сложного.

Тут он прав. В детстве с короткими ногами было сложнее, сейчас же мы доехали до взлетной полосы почти без тряски, и я остановился на линии, чтобы связаться с диспетчерской.

– «Облачко», – Немец перевел связь на свою гарнитуру. – Борт RA1985G, «Цессна 172», вырубиваю на полосу номер 1, взлет в сторону Финки.

– RA1985G, взлет разрешаю, ветер у земли 210 градусов, 3 метра в секунду.

– Взлетаю, – Немец победно откинулся на спинку кресла.

Я выдохнул – вроде бы на самом деле никаких проблем. Значит, теперь моя очередь: я придержал еще немного тормоз, чтобы самолет набрал 2300 оборотов – что-то внутри тревожно потянуло, словно пытаюсь удержать на земле, в колее привычной жизни...

– Отпускай.

Все приборы были в зеленой зоне, и я сделал это, отпустил тормоз. «Цессна», почувствовав волю, начала ускоряться. Ангары с другими самолетами по краям полосы замелькали все быстрее.

– Как только будет 55 узлов, медленно тяни штурвал на себя. И не парься, в случае чего автоматика подстрахует!

– 55 узлов – это 100 километров в час, – невпопад выдал Длинный.

Я его не слушал. Были самолет, полоса, отдающаяся ударами в колеса, запах отработки топлива и масла... По сравнению с тем, что я помнил из детства, почти незаметный. Стрелка дошла до нужной цифры – плавное движение штурвалом, и самолет оторвался от земли. Казалось бы, тут бы и проснуться панике, но я, наоборот, словно впервые за долгое время открыл глаза. Солнце светило, ветер свистел где-то там за кабиной, но я слышал его. Я жил! Как же это прекрасно!

– Скорость 80 узлов, держим 2700 оборотов, смесь на такой высоте можно и не трогать...

– Немец заметил, что я уже все сделал сам, и улыбнулся. – А ты на самом деле ничего, Старик! И небо ничего! Да-а-а-а!

Его крик рвался навстречу ветру, и я закричал вместе с ним.

– Да-а-а-а!

– Мы летим! – Длинный переглянулся с Коронай, и они тоже закричали.

– Вот теперь точно можно выпить! – Немец сорвал пробку с бутылки и, не слушая ничьих возражений, тут же осушил минимум треть.

Я уже хотел было развернуть самолет назад, но тут увидел этикетку: безалкогольное. Все-таки даже Немец чувствует, что нормально в небе, а что – уже перебор.

– Давай! – Корона тоже обратила внимание на выбранную бутылку, улыбнулась и протянула к ней руку.

– И мне! – а вот Длинный ничего не заметил, и его лицо смешно вытянулось, когда он понял, что именно глотнул.

Смешно!.. А я летел! Высота двести метров, взлетное поле казалось уже таким маленьким, а Финский залив манил желанием проверить, как же город и порт выглядят сверху. От бывшего волнения не осталось и следа, руки лежали на штурвале легко, а самолет словно стал частью меня. Кажется, с годами я научился меньше думать, и это пошло полетам на пользу.

– А теперь – музыка! – Немец потянулся к приборной панели, и даже сквозь шум двигателя и ветра до меня долетели знакомые слова.

I like pleasure spiked with pain

And music is my aeroplane...

Кто-то еще слушает «Ред Хот Чили Пепперс» в восемнадцать? Удивительно. Но приятно! Вот постоянно так с этими ребятами – то отчебучат какую-то фигню, то порадуют.

– Эй! Народ! А это нормально, что за нами другой самолет летит? – Длинный замахал руками.

Я обернулся, и действительно за нами поднимался в воздух «Пайпер Арчер» – еще один учебный самолет, и на нем были такие же, как у нас, рисунки аэроклуба.

– Это отец, – Немец побледнел. – Кто бы знал, что он окажется тут в это время.

– Если он по тебе соскучился, то почему просто по радию не вызвал? – я чувствовал: что-то пошло не так, но еще не мог понять, что именно.

– Не знаю, – Немец щелкнул выключателем, но по всем каналам шли какие-то помехи.

– Надо возвращаться, – кажется, наше приключение закончилось, и пора было просто сказать «хватит». – Возьмешь управление?

На втором переднем месте был свой штурвал, так что никаких проблем с этим не должно было возникнуть, но парень только головой покачал. И глаза хитро блеснули, словно пришло время раскрыть соль очень хорошей шутки.

– Только не говори... – начал понимать я.

– Ага, – кивнул Немец. – Я на самом деле не умею управлять самолетом. Отец столько раз пытался научить, но меня почему-то просто клинит в воздухе.

С одной стороны, парня можно было даже в чем-то зауважать. Он ни капли не постеснялся признаться в слабости, но... Мы черт знает где над землей! Мы ничего не умеем! Только десять лет в постоянной компании с труппами помогли мне удержать себя в руках.

– Что ты сказал? – а вот у Короны с Длинным такой психологической защиты не было.

– Мамочки...

– Да все нормально, – Немец продолжал улыбаться. – Если так страшно, сейчас включим автопилот...

Он потянулся к отдельному блоку по центру приборной панели, что-то нажал, и ничего не произошло. Как и с радио, тут тоже что-то не работало.

– Сломалось? – пискнул Длинный, а потом деревянными негнушимися руками потянулся вперед.

– Сиди ты! – Корона не по-детски выругалась и чуть не повисла на соседу, чтобы удержать его на месте.

– Гроза! – я же продолжал смотреть вперед, и в мгновение ока ситуация стала еще хуже.

Такое иногда бывает над Финкой. Вот вокруг только чистое небо, а вот – уже готовы развернуться небесные хляби. Правда, никогда не видел, чтобы это происходило так быстро, еще и погасив за компанию половину электрики... Но зато ясно, чего отец Немца так взбаламутился. Он как раз махнул крылом, показывая дугу, по которой нам нужно было развернуться. В принципе, я же поднялся в воздух, я летел – значит, и в обратном порядке со всем тоже справлюсь. Даже без автопилота.

Я выдохнул и медленно начал поворачивать штурвал, стараясь не упускать из виду высоту и обороты. Вроде бы все пока шло нормально, но... В этот момент Длинный дернулся, Корона, попытавшись его удержать, налетела на мое кресло. Штурвал ушел в сторону резче, чем нужно, «Цессна» клюнула следом – я, кажется, только чудом смог продолжить маневр, не давая ветру сорваться с крыла. Держаться! Держаться, черт тебя дер! Я даже не заметил, как рядом ударила молния. Одна, потом вторая. Откуда столько много?

И тут третья врезалась прямо в лобовое стекло – я даже успел увидеть венчики разрядов, расплзающиеся по панели приборов, и мои просвечивающие насквозь пальцы. А потом темнота...

Нет! Не сдамся!

Я ничего не чувствовал, но даже так пытался удержать самолет. И свет вернулся.

Сначала просто вспышка, потом сквозь нее проступили светлые кучерявые облака. Откуда? Были же черные! Куда они делись? Я проморгался... Немца рядом тоже не оказалось. Наверно, отбросило назад. Я хотел обернуться, но потом вспомнил, что пилоты сначала смотрят на приборы... Высота четыреста – кажется, мы забрались повыше. И это лучше, чем ниже! Обороты – есть, масло – есть, на движения штурвала самолет реагирует. Стало немного легче. Ровно до того момента, как я бросил взгляд вниз и неожиданно осознал, что Санкт-Петербург исчез. И Финский залив тоже! Ничего не было!

Только лес, болото, поля... И по полям прямо подо мной шагали солдаты в серой форме. С высоты словно игрушечные, но как же их было много. Сотни, тысячи человек. Вот в конце колонны меня тоже заметили, замахали руками, забегали. Кто-то задел повозку, где лежали свернутые на время перехода знамена. Одно упало, и взгляд невольно зацепился за развернувшийся черный крест на белом фоне. Сразу стало неудобно.

А потом другие игрушечные солдатики тоже начали задирать головы, тоже бегать, а еще... стрелять. Они поднимали свои чертовы игрушечные винтовки в небеса и палили по «Цесне», по мне, по ребятам. В это было трудно, просто невозможно поверить, но вот одна из пуль пробила левое крыло, и я словно в замедленной съемке увидел, как разлетаются во все стороны кусочки обшивки. Слово смерть, на которую я обычно смотрел со спины, повернулась ко мне лицом.

Поворот влево. В этот момент мне не нужно было следить за приборами: я чувствовал «Цесну», чувствовал ее скорость, обороты мотора. Немного дожать газ и в облака, подальше от этих психов! Около минуты я сжимал штурвал в полной темноте, ориентируясь только по альтиметру и стрелке направления. Хватит! Я надавил на штурвал и вынырнул наружу. Всё! На этот раз внизу уже никого не оказалось. Остались только лес, болото... Неожиданно я осознал, что пули могли кого-то зацепить, и вот это проняло даже меня.

– Ребята? – я резко обернулся назад, молясь, чтобы не увидеть прижатые к груди окровавленные руки, но там... Никого не было. Вообще! Совсем! Что тут происходит?!

Давно забытое чувство паники подступило к горлу, как несвежие пельмени, но... Тут самолет задрожал, и пришлось брать себя в руки. Как там сказал Немец, вибрация на «Цесне» – явный признак того, что мы теряем скорость. Упадет слишком сильно – подъемной силы перестанет хватать, и свалимся в штопор. Что не так? Обороты? Вроде пока держатся. Топливо? В норме. Выходит, тряска была случайностью? Или... Я потянул штурвал вправо, и во время маневра самолет снова трянуло, одновременно в нос ударила масляная сладковатая вонь! Авиационный бензин ни с чем не спутаешь.

Значит, все-таки топливо. Непонятно, почему его падение не отображается на экране, похоже, молния что-то повредила. Но плевать. Если двигатель начал чихать при повороте вправо, значит, перекрываем левый бак. Не факт, что сработает, но... Так хоть немного выше шансы. Что дальше? Выключить всю электрику, чтобы не дала случайно искру. Даже пары ядерной авиационной смеси вспыхнут так, что от меня за мгновение ничего не останется или... Я вспомнил трупы после пожаров: если вспыхнет – лучше бы не осталось! Все? Взгляд все это время искал хоть какую-то ровную поверхность, чтобы поскорее посадить самолет.

Причем поскорее – опять же из-за паров. Затяну – просто потеряю из-за них сознание. Да уже голова немного кружится! Вниз, вниз... Сбавить скорость, выпустить закрылки, выровнять нос. Хорошо, что верхнее крыло не закрывает обзор, и управлять посадкой совсем не сложно.

Не нужны инстинкты или опыт, хватит знаний, глазомера и твердой руки! Это я себя успокаиваю? Плевать! Я ведь на самом деле знаю, как сажать самолет, и глаза с руками тоже есть.

– Выше нос! – мне на мгновение почудился голос деда.

Наверно, пары... Но руки в последний момент инстинктивно потянули штурвал, и «Цесна», резко сбросив скорость, почти плашмя врезалась в болото. Ну, конечно! Откуда в лесу ровная поляна! Меня тряхнуло, потом резко бросило на ремни, назад... Кажется, я на мгновение потерял сознание, но почти сразу пришел в себя. После того мысленного окрика в памяти всплыли сотни самых разных рассказов, слышанных когда-то в детстве. И теперь убираться как можно подальше от самолета у меня было целых две причины.

Во-первых, болото – тонуть совсем не хотелось. Во-вторых, опять же пары... Если в воздухе их концентрация постоянно размывалась в полете, то тут, когда самолет на месте, шанс, что все вспыхнет, рос с каждым мгновением. Бежать! Шевелить ногами! Нет, сначала подхватить эвакуационную сумку, а вот теперь вперед. Дотянуться до торчащей из ряски коряги, потом схватиться за свисающие над водой ветки. Держаться! Держаться!

Я медленно вытянул себя на берег, перевернулся набок и только тогда оглянулся назад. Моя «Цесна» уже наполовину скрылась в трясине, но самое невероятное... Она была тут не первая. Упавший самолет разогнал вековую тину, и под ней на дне я увидел еще один. Очень похожий на «Як-52», на котором когда-то так любил летать дед, но из-за глубины точно не разобрать... Я прищурился, но тут «Цесна» окончательно ушла под воду, наружу вырвался огромный пузырь воздуха, взбаламутил болото, и уже ничего было не разглядеть.

Плевать. Я был уверен, что спасатели обязательно найдут самолет. И один, и второй! А вот кому разбираться со странными стрелками и искать пропавших ребят – вот это было уже сложнее. Но в любом случае, чтобы процесс пошел, мне нужно выжить. Осознав, что если заболēju, то смогу провалить даже эту задачу, я принялся быстро раздеваться. Нужен костер! В сумке нашелся полный коробок походных спичек, так что оставалось только собрать коры и валежника. В процессе согрелся и перекусил парой горстей найденной голубики, а как разжег пламя и подсушил одежду, то уже и окончательно определился с последующими действиями.

Да, я оказался не там, где взлетал, куда-то пропали ребята, электроника не работала, телефон после молнии превратился в безжизненный кирпич, но... Не может быть, чтобы в современном мире хоть кто-то не заметил падение самолета. Так что от болота уходить далеко нельзя. А вот что можно сделать, чтобы помочь поисковым группам, которые наверняка уже начали работать – это подать сигнал. Я вытащил из сумки один из сигнальных фальшфейеров и разрядил в воздух. Невольно мелькнула мысль, что сигнал могут заметить люди с крестами – не так далеко я от них и улетел, но... Если в то, что какие-то психи могут в моменте пострелять по самолету, я мог поверить, то вот в то, что у них же будет время, желание и возможность еще и охотиться за мной – точно нет, это была бы уже фантастика.

Я был совершенно уверен, что все делаю правильно, что все будет хорошо... Но ровно до того момента, пока не решил на всякий случай чуть подальше осмотреть окрестности болота. А то вдруг тут цивилизация под боком, а я собрался играть в древних людей... Я даже успел нервно посмеяться над этой мыслью, когда в небольшом распадке на севере взгляд неожиданно зацепился за странную сломанную фигуру. Внутри все замерло. Забыв про опасности, я рванул вперед, споткнулся, упал, но даже не заметил этого. Не до того! Посреди усыпанной колокольчиками поляны лежало человеческое тело.

Длинный! В смысле Виталик!

– Ты как? – с какой-то наивной надеждой я потряс его за плечо, но парень с бледным, словно без единой капельки крови лицом, был определенно мертв.

Причем уже давно. И снова – что здесь, черт побери, происходит?! Меня поразило даже не само мертвое тело, а то, что я не мог понять, как оно тут очутилось. Мы же вместе были в самолете, и даже если предположить, что я не заметил, и он выпал, то... Не выглядят так те, кто

упал с высоты: ни политравмы, ни перемещения внутренних органов, даже диффузных ссадин и деформации тканей нет. А еще я заходил на болото совсем с другой стороны. Ничего не понятно!.. С запозданием дошло, что трясу мертвеца, и я отдернул руки. Пальцы были ледяными, словно я подхватил частичку чужого смертельного холода.

Бррр! Я уже давно не боялся трупов, но именно это тело и это место почему-то пугали до дрожи. И находиться рядом, несмотря на все правила для потерявшихся и здравый смысл, совершенно не хотелось. А тут еще темнота начала подкрадываться... Желание уйти стало совершенно нестерпимым, и я решился. Просто на ночь! Отойду, переночую, где поспокойнее будет, заодно проверю окрестности, и снова сюда. Только сначала...

Я вернулся к месту крушения. Забрал эвакуационную сумку и оставил записку – если за это время сюда придут спасатели, то с ней они точно найдут Виталика и меня не потеряют. Я еще раз скользнул взглядом по болоту, где на дне лежали два самолета, проверил обувь, одежду, чтобы ничего не мешало, и, постаравшись выкинуть из мыслей все противоестественное, пошел строго на запад.

– Это же Питер, тут деревень и поселков – по две штуки на квадратный километр! Вот еще часа не пройдет, а я куда-нибудь обязательно выйду, – чем сильнее я уставал, тем больше нужно было себя убеждать.

Еще и чертов организм. Словно вспомнив, как меня дразнили новые знакомые, начал ныть и изображать старость. Не время! Шагать, шагать, шагать! Через полчаса мир сузился до полоски леса прямо передо мной. Словно лошадь в шорах, разве что лошади не нужно сверяться по компасу каждые две минуты... Я в очередной раз отвел взгляд от дороги, повернулся и чуть не врезался в выросшего прямо передо мной мужика. Сначала увидел высокие кожаные сапоги, потом – серые шерстяные брюки с красной полоской, потом такого же цвета мундир, выцветшие пшеничные усы и шлем с шишаком, замотанный в чехол из чего-то похожего на брезент.

– Халт! – рявкнул мужик и направил на меня винтовку.

– Не стреляйте...

– Халт! Шпрехен зю дойч? – кажется, он говорил на немецком. Вот только что именно?

И точно ли на немецком?

– Я кэн спик инглиш, – я попробовал перейти на иностранный, и, кажется, это оказалось удачной идеей.

Усач даже немного опустил винтовку и закричал что-то длинное показавшемуся у него за спиной офицеру. По крайней мере, я подумал, что это офицер, из-за цветного воротничка с бело-голубой тесьмой. Мысли явно ушли куда-то не туда, но... Я просто старался не думать о том, что это те самые люди, что уже в меня стреляли.

Офицер отдал резкую команду, я напрягся, но все равно не успел среагировать, когда винтовка усача взлетела в воздух, а потом врезала мне прикладом прямо под грудь. Больно. Воздух выбило из тела весь, до последней капли. Все силы теперь уходили только на то, чтобы вдохнуть, а усач снова замахнулся и на этот раз врезал по моей как раз так удобно опустившейся голове. Так и убить можно... Это была последняя мысль, а потом – темнота.

А пока главный герой лежит без сознания, хотим буквально парой мазков напомнить картину того, что творилось в мире в это время.

Итак, лето 1915-го – уже больше года шла Великая война. Уже случились... Чудо на Марне, когда две русские армии и пуля в висок генерала Самсонова спасли Париж. Выстоявшая Сербия, успех России в Галиции и на Кавказе, первая битва на Ипре, поставившая точку в маневренной войне, после которой западный фронт встал от нейтральной Швейцарии до горячего Северного моря. Разгром эскадры Шпее в Атлантике, Тихий океан, где Япония с Новозе-

ландией и Австралией, откупаясь от большой войны поставками солдат, тихо отжимали германские колонии.

В первой половине пятнадцатого года к списку событий добавились 2-я битва на Ипре, показавшая миру боль и ужас ядовитых газов, армянская резня, неудачная попытка Англии и Франции прорваться через Дарданеллы и Галлипольский полуостров к Стамбулу и... Разворот на восток поверивших, что им можно не бояться за свои тылы, Германии и Австро-Венгрии. Мощный удар по Галиции, попытка окружить русские армии в Польше, движение дальше на север...

Главный герой попадает именно в этот миг истории, и впереди еще столько всего... Сражение за Прибалтику и Белоруссию, в том числе и на море, разгром Сербии, первые налеты дирижаблей на Лондон, вступление в войну Италии, Верденская мясорубка, Брусиловский прорыв, вступление и почти моментальный разгром Румынии, битва на Сомме, Ютландское сражение двух сильнейших флотов этого времени, вступление в войну САСШ, русские революции, Февральская и Октябрьская, Кайзершлахт и стодневное наступление Антанты, интервенция и гражданская война.

Кровавое было начало века, но, так как наша книга в том числе про крылья, добавим отдельно еще немного и про самолеты. Прежде всего – наши самолеты. И... в отличие от многих других направлений тут нам даже было чем гордиться. После первого полета братьев Райт в 1903 году авиация развивалась огромными темпами. Секунды в воздухе, минуты, часы... Десять метров над землей, сто, тысяча. Некоторые страны просто пропустили эту гонку, но не Россия, которая успела сработать даже по нескольким направлениям.

Прежде всего, не самое очевидное: взаимодействие нового вида войск со старыми. Начав еще с аэростатов в Русско-турецкую, военное министерство выделило их в отдельные подразделения задолго до Первой Мировой. Как разведка, как наводчики артиллерии летающие шары неплохо показали себя на Русско-японской. И это позволило сделать следующий шаг. Когда после Цусимы тяжело переживающее поражение общество собрало 17 миллионов на возрождение Русского флота, остатки этих денег было предложено пустить на закупку новейших самолетов и обучение наших первых пилотов.

Так были созданы авиашколы: одна в Гатчине под Санкт-Петербургом, другая на реке Каче под Севастополем. Именно их выпускники принимали командование первыми авиаотрядами, именно они первыми замечали идущие на нас дивизии, они рисовали карты немецких и австрийских укреплений, и они же сбивали в небе вражеские самолеты и дирижабли. Вот только этот же успех одновременно стал и проблемой. Отдав изначально предпочтение французским моторам, наши заводы в итоге не сумели в нужное время самостоятельно освоить и нарастить их производство.

И что получалось? У нас трудились ученые вроде Жуковского, опередившего время со своей теорией подъемной силы, были гении-инженеры вроде Сикорского, благодаря которому у России появилась первая эскадрилья бомбардировщиков, или Григоровича, чьи морские самолеты с бортов эрзац-авианосцев помогали нашим флотам на Балтике и Черном море еще до того, как это стало мейнстримом... Но вот фронтовая авиация сидела на голодном пайке, и решения, которые Германия могла внедрить за месяц, у наших летчиков порой затягивались почти на год.

Тяжелое было время, в том числе и потому, что иногда вроде бы и хотели люди помочь, сделать что-то хорошее, но словно сама история вставала у них на пути. Неизбежная тяжесть того, что должно было случиться, давила все сильнее... И можно ли было в принципе это исправить? Побороть фатум, рок, судьбу. Кто знает.

Пришел я в себя лишь под утро. Только-только поднявшееся из-за горизонта солнце било по глазам. Бьет – значит, я жив. Хорошая новость. Во рту стоял противный кислый запах –

похоже, меня рвало, и хорошо, что кто-то догадался положить меня набок. Голова раскалывалась, но надо было что-то делать... Я приподнялся на локте – как оказалось, я валялся в примыкающем к какой-то древней церквушке дворе. Вокруг деревянная ограда, плотно перетянутая колючей проволокой, и пара низких грубо сколоченных вышек со стоящими на них солдатами все в той же серой форме.

Кажется, я уже устал удивляться и начал принимать происходящее как данность. Да, ничего непонятно, но... Неожиданно я услышал голос, говорящий на русском.

– Сюда! Все сюда! – кричал он, и во мне словно открылось второе дыхание.

Раньше еле лежал, а теперь смог сесть и даже увидел, как через ворота нашего дворика наружу выходит около десятка понурых солдат в шинелях. Вроде бы в таких же серых, как и мундиры у задержавшей меня парочки, но... Почему-то сразу стало понятно – эти свои.

– Нижние чины должны проследовать на работы по починке моста, – снова заговорил тот самый человек, чей голос я слышал раньше.

Это оказался тощий мужчина неопределенного возраста в кепчонке и с маленькими бегающими глазами.

– Насчет своих офицеров можете не волноваться. Их вызвали на разговор господина германцы, а потом они присоединятся к вам на работах.

– А тот болезный? – кажется, кто-то из солдат вспомнил про меня.

– Доктор пока занят, посмотрит его чуть позже. И он тоже придет на работы! Кто не работает, есть не будет.

Только сейчас я понял, что этот русский звучит очень странно. Какое-то резкое «е», неожиданные окончания, а еще – каждое слово проговаривается от первой до последней буквы, как будто... Говор, одежда, немцы, пленные. Детали закружились и попробовали собраться в единую картинку, но чего-то не хватало. А потом я увидел его. С другой стороны от нашего загона на утрамбованной сельской дороге стоял самолет. Словно моделька из спичек, только увеличенная в сотню раз.

Такой же деревянный каркас, крылья обтянуты тканью, короткий, неуклюжий даже на вид – по сравнению с этим самолетом «Цессна» могла бы показаться чудом инопланетных технологий. На таком летать мог бы только самоубийца, но... Рядом с выведенной черным надписью «Авиатик Б2» в кожаной куртке стоял самый настоящий пилот, а под снятым с двигателя кожухом ползал еще один человек. Механик? Похоже на то. Но что было точно – на этой штуке летали раньше и собирались летать снова.

Это было невероятно, это было невозможно, но я видел только одно-единственное объяснение... Одно-единственное время, когда Россия воевала с Германией, а в небо поднимались такие вот самолеты.

Первая Мировая! Я каким-то образом попал в прошлое и прямо на войну! Вроде бы и хотел изменить жизнь, но... не так же!

Бам-м-м-м!

По ушам неожиданно ударил звук выстрела, и все разом – солдаты, охрана, я – обернулись в сторону немецкого штаба.

Глава 2

Никто еще ничего не сказал, никого не обвинил, но работающий на немцев мужик забегал глазами и затараторил.

– Все нормально! – частил он. – Никого не застрелили! Жив ваш офицер! Только не надо делать глупостей!

Немцы-охранники в отличие от него так быстро не сориентировались, и один из пленных солдат воспользовался моментом. Прыгнул на ближайшего – раздался еще один выстрел. Крик. Еще крик! Теперь уже все пленные бросились на охрану. Двое сразу упали, словив пули, но остальные добежали, и тут уже стало не до стрельбы. Выстрел! Я упустил из виду того самого первого солдата – он как раз закончил со своим противником, вырвал винтовку и метко попал прямо в грудь одному из немцев на вышке. Еще выстрел – как же точно он стреляет! Даже на самых выгодных позициях охрана ничего не смогла сделать.

– Уходим! Быстро! – стрелок помог своим добить оставшихся немцев, а потом махнул рукой в сторону леса.

Кажется, побег удался. Я невольно выдохнул – болел же за наших – и только потом дошло, что это не фильм, и меня все тоже касается. Это реальность! Тут убивают! К горлу подступила тошнота, но верх опять взяла не раз помогавшая в жизни привычка сначала решать, что делать дальше. Бежать за своими? А свой ли я для них? Вон того же немецкого помощника закололи походя, словно вошь. Оставаться? Тоже мало смысла: никто не станет разбираться, виноват я или нет. Еще варианты? Взгляд метнулся к стоящему на взлетной полосе «Авиатику».

А что? Летать он должен: фюзеляж – только-только осмотрели, двигатель – обслужили, бензин – залили. Если у меня и были шансы как-то выжить и добраться до более-менее спокойных мест, то только по воздуху.

Я медленно поднялся. Сначала на четвереньки, после на ноги, потом сообразил – пригнулся обратно – и со всех ног рванул к самолету. Ветер бросил в лицо запах пороха и крови – я пригнулся еще ниже и еще быстрее зашевелил ногами. До «Авиатика» было метров сто, но за эти сто метров я так выдохся, что сердце, казалось, выскочит из груди. А теперь нужно было как-то завести эту зверюгу... Здесь же еще нет ключей, ведь нет же?

Я запрыгнул на подножку слева от кабины и заглянул внутрь – ничего похожего на ключи не было. Уже легче. Тогда где запуск? Кажется, вон тот переключатель с надписью «Бош» – это магнето. Дашь питание, он дает искру, и если повезет, и хотя бы в одном из цилиндров окажется топливо, то двигатель запустится. На горячую! А вот если остыл... Тогда нужно сначала покрутить винт, чтобы поршни нагнали бензин с маслом в цилиндры. Кажется, так. И откуда только в памяти всплывают эти доисторические подробности?

Книжки деда? Или...

– Хенде хох! – я не успел ничего сделать, как у меня за спиной вырос тот самый немец-пилот. В кожаной куртке, меховых перчатках и шлеме. Взгляд злющий: кажется, он до последнего не собирался рисковать собой, но и допустить угона самолета тоже позволить никак не мог.

– Сдаюсь! – я поднял руки и тут внезапно заметил, как тот самый меткий солдат бежит в нашу сторону.

Мог бы выстрелить – он же так хорошо стреляет – но бежит... Нет патронов? Не хочет привлекать внимание? Да какая разница! Главное, помощь близко, вот только немец тоже что-то почувствовал, начал оборачиваться... Если увидит, подстрелит ведь. Еще один момент, когда нужно решать. Промолчать, сделать вид, что не понял, не успел... Или рискнуть всем. И я начинаю привыкать рисковать.

– Эй! Козлина тупая! А ведь опоздай ты на минуту, я бы точно угнал твой летающий ящик! – я орал все, что только приходило в голову.

И, кажется, сказал слово, которое пилот понял. Точно, французы же в то время как раз дразнили немецких пилотов, называя их самолеты летающими гробами или ящиками. И тут я туда же. Немец дернулся, а потом резко подошел ко мне и врезал прямо под глаз пистолетом. Вышло гораздо слабее, чем у того солдата в лесу, о чем я тоже сразу же и сказал.

– Тебе конец! – как оказалось, пилот не только понимал по-русски, но и даже сам мог что-то выдать. – Скажу, застрелил при попытке бегства. На вас все равно всем плевать.

– Или нет, – я, уже больше не скрываясь, смотрел немцу прямо за спину.

– Вас? – тот обернулся.

И это его «что» оказалось последним в жизни. Солдат с ходу вонзил штык ему прямо в центр груди, затормозил о пилота, и тот сполз на землю, уже не подавая признаков жизни. Еще один труп. Невольно мелькнула мысль, что чем-то это все похоже на старую работу. Там тоже любили мертвецов подкидывать.

– Спасибо, – осторожно сказал я, глядя на своего спасителя и пытаюсь понять, чего от него ждать.

– Хорошая работа, – солдат успел заметить, как я отвлекал пилота, оценил и, словно мы встретились где-то на квартире у знакомых, совершенно спокойно протянул мне ладонь. – Поручик Илья Карпович Котлинский, неудачно наткнулся на немцев, попал в плен.

Значит, не солдат, а офицер. Причем офицер, который не побрезговал переодеться в форму нижнего чина, чтобы не выдать себя. И что характерно, его солдаты тоже промолчали. И атаку на конвоиров опять же поддержали без всяких сомнений. Я, конечно, не специалист в военных делах начала прошлого века, но выглядело это довольно необычно. Впрочем, необычность эта говорила только в пользу поручика.

– Иван Андреевич Крылов, – представился я.

– Родственник? – тут же заинтересовался Котлинский.

Я чуть не улыбнулся. Что в моем времени, что тут – вопросы у русских людей, когда я представляюсь полностью, возникают одни и те же. Кстати, насчет времени. Сейчас этот вопрос волновал меня даже больше, чем немецкие крики где-то за лесом.

– Тетка, – ответил я и тут же спросил главное. – Какое сегодня число?

Напрямую год спрашивать слишком подозрительно, а так... Меня по голове били, очень даже логичный интерес.

– Мы одиннадцатого вышли из Ковно, – ответ Котлинского пока не добавил деталей. – Значит, сегодня пятнадцатое.

Прекрасно. А год? Хотя бы месяц? Кстати, Ковно – это где-то в Прибалтике?

– Какие-то новости? А то я... – развел руками, как будто дальше и так все понятно.

– Про падение Варшавы слышали?

– Нет.

– Пятого августа 9-я армия принца Леопольда вошла в город. А вот Осовец еще стоит! У меня там брат служит. И Новогеоргиевск стоит, и Ковно, – голос Котлинского дрогнул. – И если будут стоять дальше, то и фронт удержим.

Ага, значит, сейчас август, пятнадцатое. Год не назвал, но сомнений и так почти нет. Эх, и почему мне не нужно было готовить для ЕГЭ историю? Вот история самолетов, их конструкция и в целом все, что с ними связано – тут я еще разбираюсь, а вот остальное...

– Обязательно удержим, – подбодрил я поручика.

– Удержим, если вы поможете, – решительно кивнул тот, напоминая, что времени у нас не так много. – Я ведь как увидел, что вы к самолету побежали, то сразу решил вернуться. Иначе, прошу прощения, не стал бы рисковать солдатами.

Кажется, тут от меня ожидали возражений. Точно: если мне необычность поручика только на руку, то вот местные от нее вряд ли в восторге. Ну, кроме его подчиненных, которые сейчас как раз окружили и заблокировали здание немецкого штаба, выигрывая нам немного времени. Впрочем, даже так не стоит тратить его зря.

– Понимаю. И что вы хотите? – спросил я.

– Мы будем прорываться к своим по земле, а вы дайте круг на запад, посмотрите, много ли идет немцев...

Я невольно вспомнил те самые первые мгновения в небе после молнии. Сколько я тогда увидел серых колонн, начавших по мне стрелять? Та, что была подо мной... Я летел примерно 100 километров в час, над ней был около половины минуты и пролетел только треть. Судмед – это еще и умение считать, умение анализировать и делать выводы.

– Я не военный летчик, – начал я.

– Это видно, – спокойно кивнул Котлинский.

– До того, как мой самолет подбили, а меня взяли в плен, я видел колонны. Головная растянулась примерно на три километра – это сколько солдат?

– Это все или был кто-то еще? – взгляд Котлинского мгновенно стал ледяным.

– Три километра колонны впереди, потом разрыв, потом... – я снова прикинул цифры.

Высота 400, это я точно помню, до горизонта с нее – километров 70, но это в теории. В реальности уже на пяти колонна становится похожа на серую нитку, а на десяти начинает сливаться с ландшафтом.

– Сколько? – Котлинский подступил вплотную ко мне.

– Я бы сказал, около десяти километров, потом еще разрыв и... Дальше не скажу, но, возможно, еще. Это плохо?

– Очень, – поручик потер лоб. – Скорее всего, вы видели сначала авангард. Полк пехоты да дивизион артиллерии, стандартный порядок. И это было бы не страшно, но дальше... Десять верст⁴ – это целая дивизия, а если больше, то почти наверняка идет весь корпус. Если немцы бросили такие силы в обход Ковно, и мы их не сдержим – возьмут в клещи... Как с Варшавой же получится! Слышите, Иван, вы должны, вы обязаны долететь до наших и доложить об увиденном!

И вроде бы еще недавно я думал только о том, как бы не умереть, а тут... Накричал на меня этот совершенно незнакомый поручик, а внутри зашуршало, заворочалось что-то давно забытое.

– Куда лететь-то?

– Не знаю, – Котлинский виновато развел руками. – Не знаю, где сейчас линия фронта – просто летите на восток. Если получится, до Седлица, там ставка. Если нет, увидите любой наш отряд – садитесь! Расскажите все им, а они уже дальше передадут. Главное, не терять время!

– А вы? – я почему-то думал, что поручик тоже полетит, но его последние слова... – Разве вы не со мной?

– Своих не брошу, – Котлинский пожал плечами и улыбнулся. – Да и бежал я к вам больше предупредить, чтобы не взлетали на восток. Там у немцев стоят две зенитные пушки. «Флаки», три дюйма. Своих-то они пропускают, а вас... После устроенного шума точно собьют. Просто на всякий случай: германец на второй год войны пошел нервный. Так что разворачивайте самолет на запад, потом дадите круг и... Мы прикроем, пока повыше не заберетесь.

И я неожиданно увидел все последние события в другом свете. Еще недавно казалось: был бы я пошустрее, и тот немец-пилот меня бы не подловил. Сам бы все сделал, сам бы уле-

⁴ Местные в это время пользуются привычными им мерами расстояний и весов. Тем не менее пришедшие из Франции метры и килограммы образованным людям тоже известны, поэтому главного героя понимают и не поправляют. И мы его тоже переучивать не будем, чтобы уже вам было немного проще ориентироваться. А то если одна верста примерно равна одному километру, то вот с теми же пудами и аршинами будет уже сложнее.

тел... А оказывается, если бы я его опередил и успел взлететь, то уже был бы мертв. Тело попробовало пойти вразнос, но к тридцати пяти нервная система уже успела атрофироваться, и волнение вышло... так себе. На троечку.

– Ваше благородие! – к нам подбежал один из солдат. – Мы провод перерезали, но у штабных где-то запасной был проложен. Вызвали подкрепление, тут минут десять им идти. Степан и Василий их шуганут, чтобы не спешили, но времени все равно почти нет.

– Подожгите штаб, – скомандовал Котлинский. – Пусть им будет чем заняться помимо того, чтобы козни плести.

– Крутите винт, – а я запрыгнул в самолет.

Чем быстрее взлечу, тем больше шансов будет у бывших пленников, чтобы уйти. Вот сейчас уже надо поспешить не только ради себя, но и ради них. Поручик тем временем несколько раз медленно провернул винт, помогая маслу и бензину разойтись по цилиндрам. Я же за это время нашел рычаг качества смеси и топливный кран... Насоса не было: похоже, тут бензин должен стекать в двигатель самотеком. Не очень технологично, зато гравитация не сломается.

– Контакт! – крикнул Котлинский.

Теперь мне нужно ответить.

– Есть контакт! – рявкнул я и щелкнул магнето.

Котлинский еще раз дернул винт – на этот раз резко, сильно, умело, но двигатель словно не заметил этого. Еще раз контакт! Молчит зараза! Топливо же выставил, винт покрутили – что тебе еще надо, фашист гребаный! И, кажется, немного мата оказалось тем самым последним недостающим фрагментом – немецкий движок дернулся, чихнул и после этого уже начал довольно бодро тарыхтеть. Взгляд тут же заметался в поисках датчика температуры воды в радиаторе – они тут все были натканы где попало. Нашел, теперь нужно будет следить еще и за ним.

Солдаты тем временем развернули «Авиатик» носом на запад.

– Тут дороги всего метров триста, но должно хватить, – Котлинский, судя по всему, немало понимал в самолетах, и я решил ему довериться. В начале века, конечно, двигатели еще очень слабые, но... И бипланам нужно гораздо меньше места, чтобы оторваться от земли. Все-таки пусть нижнее крыло и мешало набирать скорость, но вот подъемной силы давало с запасом.

– Хвост придержите вначале, сколько сможете, – я только сейчас обратил внимание, что вместо заднего колеса к самолету приделан самый обычный штырь. Пока стоит, не особо заметно, но при разгоне, пока не наберу скорость, он же чуть ли не пахать землю будет.

– Сделаем, – кивнул Котлинский.

Пора было взлетать, но... Что-то еще царапнуло где-то на краю сознания.

– Стоп! – я чуть не заглушил самолет. – У меня же сумка была, когда меня взяли. Там очень ценные вещи, которые не должны попасть к немцам.

Эвакуационный набор – это, конечно, не инопланетные технологии, но в начале века может подсказать нашим врагам очень нехорошие идеи.

– К немцам уже не попадет, – Котлинский указал куда-то мне за спину.

Я обернулся – там на месте немецкого штаба уже взбиралось под самую крышу ярко-красное пламя. Ну, логично... Куда нести что-то ценное, как не туда. А теперь, когда штаб подожгли, от последнего привета из моего времени уже точно ничего не останется.

– Тогда... Начинаю, – я потянул рычаг, снимая самолет с тормоза, и тот начал медленно разгоняться.

По сравнению с «Цессной» – очень медленно. Поручик, решивший лично удерживать хвост самолета, без особых проблем сохранял этот темп метров десять. Потом начал отставать, но и хвост уже сам почти не касался земли... В этот момент я неожиданно вспомнил, что еще забыл спросить.

– Илья! Илья Карпович! – заорал я, стараясь перекричать расстояние и шум мотора. – А вы тут двух молодых людей, парня и девушку, в странной одежде не видели?

– е... идел...

Вот и все, что получилось расслышать. Потом самолет оторвался от поручика. Быстрее, еще быстрее: поймавшие воздух крылья начали компенсировать тысячу и одну яму, украшавшую эту взлетную полосу. Кто-то скажет – недоработка. Я же сейчас понимаю – очень важный индикатор того, что самолет готов отрываться от земли. Чем быстрее ветер бил в щиток передо мной, тем жестче ощущался штурвал.

Тахометр дошел до 1200 оборотов – спидометра не было, так что приходилось полагаться только на тряску да на него. И вот показатели перестали расти. Еще метров двадцать я давал самолету шанс проявить всю свою мощь, а потом все-таки потянул ручку высоты на себя – тут в отличие от «Цессны» она не встроена в штурвал и на самом деле просто ручка. Чем-то даже похоже на РУС боевого самолета.

– Лети! – я закричал на «Авиатик», который что-то слишком долго думал, и...

Рывки окончательно ушли. А значит, получилось – я самостоятельно смог взлететь. Второй раз за день, второй раз за последние пятнадцать лет. Вот только как же эти разы отличались. В «Цессне» с закрытой кабиной, с мощным двигателем, с которым сразу можно было задирать нос в небеса, и тут...

Ветер бил по ушам, было слышно, как скрипит ткань на крыльях и гудят растягивающие их тросы. А еще движок. Только каким-то неведомым чутьем я понял, что он пока не потянет ни одного серьезного маневра, и до самого конца прямого участка летел в метре от земли, и только там, разогнавшись на глаз где-то до 90 километров, почувствовал, что вот теперь «Авиатик» способен набирать высоту. Вверх!

Я помахал крыльями поручику и его солдатам и снова полностью сосредоточился на полете. Все-таки какие же тут странные ощущения. Оглушающий шум мотора, забивающий ноздри запах масла и врезающийся в уголок губ какой-то жук, чьи лапки до сих пор дергаются, но нет ни мгновения, чтобы его стряхнуть – это с одной стороны. А с другой – настоящий панорамный обзор во все стороны и чувство скорости, чувство самолета, когда ты ощущаешь вибрацию и напряжение каждой плоскости крыла, каждого троса.

– Да-а-а-а-а! – я закричал.

Как в тот раз.

– Я лечу!

Тоже как в тот раз.

А вот что отличалось – теперь у меня было дело. Пока непонятное для меня самого, но я поверил в слова Котлинского, поверил в важность увиденного мной для армии, для России. Примерно про это мне когда-то рассказывали и отец, и дед... И вот я, пусть и какими-то неведомыми путями, смог стать как они. Может, ненадолго, но стал!

Поручик Котлинский проводил взглядом этого странного пилота. Когда его только подложили к ним, большинство решило, что это какой-то лазутчик от немцев. Подслушать их планы, вызнать секреты, но... Уж больно натурально он блевал, да и слишком необычно выглядел для того, кто должен был сойти за своего и не вызывать вопросов.

Во-первых, слишком старый для нижнего чина, которого он якобы изображал. Во-вторых, его одежда! Синие шахтерские штаны – допустим, но вот обувь – очень дорогая, с ровным швом, хотя по размеру и как будто чуть больше, чем нужно. Кстати, если бы не офицер, командовавший доставкой пленника, то обычные солдаты уже бы давно сняли такую ценность. И куртку тоже. Она на вид тонкая, но зато норфолкского английского кроя, из необычной яркой ткани. Очень странный комплект, который за раз не надел бы ни один разумный человек.

Впрочем, когда оказалось, что чужак – пилот, все сразу встало на свои места. Эти-то любители рисковать жизнью никогда не упускали возможности приодеться и привлечь к себе внимание. У Котлинского была пара друзей, которые раньше увлекались спортивными полетами, и невеста... От последней мысли поручик поморщился и поспешил переключиться на дела.

– Последний залп и уходим! – крикнул он.

– Куда? – ефрейтор Кузин потер доставшийся ему после драки с немцами фингал.

Впрочем, хорошо, что только фингал, и так столько людей потеряли. И из их отряда, и из приданного взвода. В разведотделении штаба 2-й армии за такое по головке точно не поглядят, а если слухи доберутся до генерал-квартирмейстера Рябикова, то как бы и до разжалования не дошло. Впрочем, плевать: если информация о наступлении немцев подтвердится, это все грехи спишет, но... Ее именно что нужно подтвердить.

– На запад, проверим все, о чем нам тут пели, – Котлинский махнул рукой, задавая направление.

Сначала, впрочем, они свернут в сторону России, якобы за самолетом, который присматривает для них путь. Но вот потом, когда немцы решат, что их раскусили, можно будет и круг сделать. Помог им Крылов, даже улетев, ой как помог. Кстати, и ведь подходит ему фамилия: взлетел четко, уверенно, без страха. Даже жалко немного, что такой пилот – и из нижних чинов, а значит, вряд ли когда-нибудь сможет реализовать свое призвание. Котлинский вспомнил, как тот глотал окончания слов, как мягко выговаривал буквы – сразу чувствовался недостаток классического образования, без которого, увы, пилота никогда не примут за своего ни в одном авиаотряде.

Так что судьба Крылова – сгинуть без славы где-то в пучине этой бесконечной войны. Разве что... Додумать эту мысль он не успел: воспользовавшись тем, что его солдаты отошли со своих позиций, из горящего штаба выскочил небольшой отряд. Четверо солдат, парочка писарей и высокий худой офицер с погонами гауптмана. Последний прижимал к груди необычную сумку из ярко-оранжевой ткани – похоже, именно о ней так беспокоился Крылов перед отлетом. Мелькнула мысль: может, догнать?..

Нет! Котлинский не мог придумать ничего, что оказалось бы важнее сведений о новом немецком наступлении. Тем более всего лишь у нижнего чина, пусть и необычного. Поэтому пусть немцы бегут, а они займутся своим делом. Придет время, и еще каждый из тех, кто ступил на русскую землю, ответит за это.

Через полчаса полета эйфория стала спадать. В «Авиатике» было безумно холодно. Без кабины, на ветру, тело начинало дубеть. Эх, надо было не брезговать, а снять с того пилота если не кожанку, то хотя бы перчатки и шлем. После полосы дождя я еще и промок, а после небольшого облака, куда залетел буквально на пару секунд, досталось еще и нервам. Это в «Цессне» я мог положиться на авиагоризонт, а тут...

Белесая темнота, забитый нос, инстинкты завывали и потребовали хоть штурвал выкрутить, хоть руль высоты дернуть. Только огромным усилием воли удалось побороть все это и выдержать прямую. А то ведь повернешь не туда, а в облаке даже и не поймешь, что уже летишь не прямо, а носом к земле. Или другая опасность: начнешь крутиться, потеряешь скорость, запаса которой и так очень и очень немного, и тоже штопор.

В итоге, когда внизу мелькнули укрепления, а над одной из палаток за ними бело-синекрасный флаг, я выдохнул с облегчением и сразу же без долгих раздумий пошел вниз. Русские, свои... Я заранее заметил дорогу, на которую будет удобно приземлиться, и чуть не упустил из виду некоторые странности. Во-первых, желтый квадрат с каким-то черным пятном в левом верхнем углу флага – это точно моя Россия? А во-вторых, эти солдаты, как и немцы недавно, начали задирать в небо свои винтовки.

Чего это они?!

Спросил и сразу же понял. Я же лечу на чужом самолете, даже не догадался намалевать на нем хоть какой-то свой знак, неудивительно, что меня приняли за врага. Повезло, что тех неизвестных зенитных «Флаков», о которых говорил Котлинский, тут нет... В этот момент по мне заработал пулемет. Накаркал. И ведь шанса набрать высоту уже нет. Мозг холодно оценил возможности немецкого двигателя и вынес вердикт: полезу вверх – считай, замру на месте. Идеальная мишень, так что вниз и только вниз. Это позволило почти сразу выйти из сектора обстрела пулемета: там явно рассчитывали, что я буду до последнего держаться за высоту. Сюрприз.

А вот солдаты палили все активнее и активнее. Пока везло, что попасть по цели в воздухе довольно непросто. Очень хотелось наклонить нос пониже да спуститься побыстрее, но... Стоило повести ручку высоты слишком резко, и «Авиатик» начинало трясти как припадочного. Какая-то часть сознания припомнила все, что я когда-то читал про древние самолеты, и оценила – логично. С профилем биплана – больше 10-12 градусов, и воздух начинает срываться с верхней плоскости крыла. Надавишь, и самолет моментально потеряет управление.

Поэтому отсутствие маневра вертикального пришлось компенсировать маневром горизонтальным. Разворот в одну сторону, в другую – я забирал как можно больше на север, чтобы сесть там, где меня сразу не прикончат. И ведь только под обстрелом пришла эта здравая мысль. Как обычно, опосля... К этому моменту несколько пуль уже заделали крылья, но тут сработал еще один плюс хлопчатобумажных самолетов. Даже с десятков подобных дырок не сильно повлияли на летные возможности «Авиатика», и с каждой секундой я был все ближе и ближе к новой цели.

Вот последний стрелок скрылся за деревьями, и я направил самолет уже прямо вниз. Мелькнуло животное желание сбросить скорость еще больше, раз уже она теперь не так нужна, но 70-75 километров – это мой минимум. На ней подъемной силы еще хватает, чтобы держать самолет в воздухе. Нет – будем уже не лететь, а падать. Поэтому плевать на ветер в лицо, плевать на начавший захлебываться двигатель – уже некогда следить за маслом и водой. Теперь просто вниз, просто нацелить нос на край какого-то заброшенного поля. Немного поднять в последний момент и... Вторая моя посадка в отличие от первой оказалась мягкой. Двести метров пробега, врезавшийся в землю и притормозивший меня задний штырь... Как оказалось, от него даже бывает польза.

Наконец, самолет замер. Я поспешил вылезти наружу, чтобы подготовиться к прибытию погони. Нарисовать флаг? Не успею. А вот скинуть одежду, снять уже совсем не белоснежную майку, привязать ее к палке из разбитого и так и не починенного забора... Вот теперь шансы на то, что меня не пристрелят между делом, стали достаточно большими, и я, выдохнув, начал ждать появления погони.

Та задержалась всего минут на пять. Отряд из десятка всадников вылетел из леса так скоро, что становилось понятно: эти отправились ловить меня чуть ли не раньше, чем я сам сюда свернул. Умные, и это хорошо, с такими будет проще договориться.

– Свои! – заорал я заранее и замахал флагом изо всех сил.

Кто-то в меня все-таки пальнул.

– Свои! – я пригнулся и заорал еще громче. Вроде бы стрелять перестали.

Всадники подлетели вплотную. Часть задержалась, выдерживая дистанцию, а двое чуть не врезались в самолет и, прямо на ходу выпрыгнув из седел, принялись меня крутить. Да твою мать!

– Свои! – снова заорал я. – Сбежал из плена! Угнал самолет! И у меня важное сообщение для ставки от поручика Котлинского!

В ответ прилетел удар по морде. Бесит! Не выдержав, я выругался так грязно и долго, как уже давно себе не позволял. Впрочем, давно меня так и не били...

– Свой, говоришь? – старший нагнавшего меня отряда выехал вперед, то ли убедившись, что тут больше никого нет, то ли среагировав на неповторимую игру слов и выражений. – Как зовут? Как сбежал?

Я выдохнул. Наконец-то разговор начинал принимать нормальный оборот, но тут самый последний из нагнавших меня всадников спрыгнул на землю, подбежал ко мне и, растолкав еще мгновение назад уверенно крутивших меня солдат, прижал к груди изо всех своих немалых сил.

Судя по погонам, как у Котлинского, это был какой-то поручик.

– Ты... Это же ты! – шептал он и, кажется, даже плакал.

– Что происходит? – я смотрел на безусое, покрасневшее и совершенно незнакомое мне лицо и ничего не понимал.

– Старик, – выдохнул поручик, и вот тут у меня свело горло.

– Что? – я не мог поверить.

– Старик! Это же ты, Старик? А это я, Немец. Помнишь же, молния, удар... Я очнулся в этом теле, а ты... Ты совсем такой же, как был! Только вместо нормального самолета это убожество. Но ты – это точно ты!

Передо мной был совершенно чужой человек. Но то, как он меня называл, как говорил, какие слова использовал – это определенно был тот самый Немец из будущего. Вот тебе и весь сказ.

Глава 3

– Что происходит? – старший из всадников посмотрел на нас с Немцем с очень большим подозрением.

– Это мой механик! – Немец ни капли не смутился и моментально придумал объяснение, которое и его реакцию объясняло, и заодно помогало моей легализации. – Потерял его во время посадки за линией фронта, а он – вот! – угнал самолет и сумел вернуться!

Естественно, парой фраз объяснить не получилось, но поручительство одного из своих, тем более офицера, очень сильно подняло мой статус и разом сдвинуло дело с места. Теперь меня выслушали и вроде бы даже поверили.

– Значит, целый корпус на нас идет, – командир нагнавшего меня отряда нахмурился. – Нужно срочно доложить ротмистру Козлову.

– Я ручаюсь за слова своего механика, – еще раз повторил Немец, словно заметив что-то свое.

– Это правильно, ручаться за своих, – ответил командир. – Однако ставка все равно не будет принимать решения на основании одного полета. Помните же, как было в Пруссии в четырнадцатом. Да и в Польше этим летом: пока разведка на земле не подтвердит, будут ждать до последнего! И ладно бы у нас был офицер-наблюдатель, а то просто пилот...

Немец закивал, соглашаясь, а потом, пользуясь общей суетой, оттащил меня в сторону и принялся вводить меня в курс дел.

– Знаешь, как зовут нашего ефрейтора? – с хитрой улыбкой начал он совсем издали.

Успокоился. А вот меня, наоборот, начало накрывать откатом. Неудивительно: сначала перенос, потом побег, полет, и вот впервые за долгое время организм почувствовал, что может расслабиться.

– Козлов? – невпопад предположил я.

– Козлов – это ротмистр, что-то вроде армейского капитана, – Немец болтал, постоянно крутя головой из стороны в сторону.

Ну, точно: ждет, чтобы рядом никого не было, а пока лучше на всякий случай говорить о том, что не вызовет подозрений.

– А ефрейтор – это командир вот этого десятка?

– Вообще, в отделении было двенадцать человек, но 5-й Каргопольский как перевели из Польши сюда, так они почти сразу с поезда в бой и вступили. Кстати, нашему ефрейтору за тот бой, возможно, Георгия дадут, так что начальство его знает...

– Так как его зовут? – я уже понял, что это кто-то известный из будущего, только оставалось разобраться, кто именно.

– Константин Константинович...

– Константинов? – пошутил я.

– Рокоссовский! – возмутился Немец.

И вот тут меня проняло. Сам Рокоссовский, один из будущих героев Великой Отечественной, маршал победы... А тут ефрейтор, еще в рядовых ходит, даже не унтер-офицер. Для меня – почти мальчишка, однако уже сейчас очень хорош. Вон, Георгия заслужил, место посадки сразу просчитал, солдаты уважают... Чем-то он напоминал мне встреченного до этого поручика Котлинского, одна порода.

Мы тем временем добрались до общей стоянки, и в нос сразу же ударил запах конского пота. И не было ни малейшего вопроса, откуда он тут взялся. Четыре огромные коновязи, по одной на взвод, занимали большую часть стоянки эскадрона. Почти две сотни лошадей – если честно, меня как неподготовленного человека они впечатляли чуть ли не больше Рокоссовского. Такие огромные, шумные, разные... За пестрой лошадиной толпой я не сразу заметил

кухню, откуда пахло уже свежей выпечкой, за ней землянка с прибитой на дереве табличкой «Канцелярия» и тем самым флагом, что я заметил с высоты. Ну и в самом конце отдельно палатки для офицеров.

Кажется, нам туда.

Немец, словно не заметив, растолкал идущий на обед взвод и махнул мне рукой, чтобы скорее догонял. Я же пропустил солдат, задержался, зато послушал, о чем тут болтают нижние чины.

– Ефрейтор Рокоссовский опять всех обставил, первым вышел на немецкий самолет, – парень с ушами, похожими на лопухи, вводил товарищей в курс последних сплетен. – Говорят, вахмистр Щекин грозился ему морду набить, что вперед лезет и начальство в дурном свете выставляет.

Вахмистр? Я потер лоб, вспоминая. Итак, если ротмистр – это капитан, и это круто, то вахмистр – это еще унтер, на два звания ниже настоящего офицерского и на два выше, чем у того же Рокоссовского. Оказывается, тут и на войне без интриг не обходится.

– Разве это дурной свет? Обычно начальство только радо медаль или даже орден за солдатский подвиг получить.

– Не в том случае, если это начальство на этого ефрейтора постоянно жалобы пишет.

– Кстати, – вмешался в разговор другой солдат, замедляясь перед концом вставшей на раздачу очереди. – Говорят, что в том самолете был вовсе не немец, а наш пилот! Застрел во вражеском тылу, но смог сбежать.

– Точно, – поддержал еще один. – Причем не через болото пошел, как нормальные люди, а угнал самолет. Все-таки летуны – они все немного безумные. Надо же, в небо лезть!

– Но герои! – оборвал его первый. – Такой самолет сотню тысяч рублей, наверно, стоит! А еще чужой маневр смог заметить. Теперь, если все подтвердится и мы подготовимся, не немец нас, а мы его погоним.

– Наконец-то! А то весь год – только назад и назад. А если и идем в атаку, то такое чувство, что от отчаяния. На пушки, проволоку да пулеметы...

Солдаты замолчали, видимо, вспоминая кого-то потерянного в одной из таких вылазок, и я уже решил было, что больше ничего не услышу.

– Интересно, а как тот пилот выглядит? – тот самый солдат, который рассуждал про героя, укравшего самолет, отцепил с пояса похожий на большую флягу котелок, скользнул по мне взглядом и даже не задержался. – Наверно, здоровяк настоящий!

– Наоборот, в пилоты же кого поменьше набирают, чтобы самолет лишний вес не таскал, – возразили ему. – У них сила не в руках, а в глазах. Я видел до войны на авиационных неделях летчика Гусева: вроде бы и мальчишка совсем, а изнутри словно светится. Кстати, он сейчас где-то здесь, в одном из корпусных авиаотрядов, воюет. Не испугался и записался еще в самый первый месяц.

– Не знаю, как насчет Гусева, а я однажды руку самому Казакову пожал.

– Это ученик Нестерова? Который мертвую петлю сделал?

– Он, он. Так вот там не рука, а тиски. И я вот что думаю: управлять самолетом, наверно, чем-то схоже с лошадьё. Иной раз нужно не умение и ласка, а только крепкая рука...

– Старик! – ушедший вперед Немец обернулся и снова нетерпеливо помахал рукой, чтобы я не отставал.

И действительно: что-то я совсем заслушался. Но чего удивительного? Столько фамилий назвали, которые до этого только в книгах видел. Казаков, Нестеров... Для меня они были историей, а тут – реальность. Впрочем, тоже героическая. Даже для солдат, которые смерти через день в глаза смотрят, летчики – это герои. Причем не какие-то абстрактные, чьи имена ты встречаешь на страницах газет, а через минуту они уже вылетают из головы, смытые потоком рекламы и желтых сплетен... А настоящие! Считай, рок-звезды.

– Старик! – опять рявкнул Немец, уже начиная привлекать внимание, и вот это было совсем лишнее.

– Иду! – я ускорился, и уже через минуту мы смогли скрыться от остального лагеря в личной палатке, выделенной парню как местному поручику.

– Наконец-то... – Немец выдохнул, и вся его напускная крутость пропала без следа. Передо мной неожиданно оказался самый обычный мальчишка, который попал в сложную ситуацию и искренне радовался, что рядом теперь есть кому прикрыть его спину.

И он рассказал свою историю. Как тоже успел увидеть молнию, как тоже была темнота, а потом чужой мир, но... Никакого неба, никакого самолета – он сразу очутился тут, в расположении 6-го эскадрона, в теле поручика Невинного. Причем, еще одно отличие, не вчера, как я, а почти неделю назад!

– То есть ты драгун? – спросил я.

– Нет, я – пилот. Вернее, поручик Невинный до моего появления прилетел сюда с донесением, повредил свой новейший «Ньюпор-десятку» при посадке и остался ждать, пока кто-то сюда придет и починит его. А потом бой: он молодой, горячий, вот и сунулся вперед, попал под мину, контузия и... Очнулся вместо него уже я, – чем больше Немец говорил, тем больше приходил в себя.

– То есть самолет у тебя все-таки есть, – а вот мне почему-то очень захотелось разобраться с деталями переноса.

Нет, я понимаю: все очень удивительно. Другое время, другое место, у Немца еще и другое тело, но ведь должна же в этом быть и какая-то логика. Наверно... И сознание, чтобы найти хоть какую-то точку опоры в новом мире, пытаюсь до нее докопаться.

– Есть самолет, есть, – Немец взлохматил волосы. – Я все никак не мог придумать, что с ним делать, когда починят! Я-то летать не умею, не могу... Но теперь, когда ты тоже тут, все станет проще. Ты и меня прикроешь, и Лену с Виталиком найдем.

– Виталик... – у меня не получилось сразу найти слова, но Немец и так все моментально понял.

– Погиб? Как?

– Не знаю. Нашел его тело, когда приземлился, – я быстро рассказал всю свою историю.

– Ничего себе у тебя приключения были, – Немец присвистнул. – Но получается, что Виталик, как и ты, не изменился... Интересно, а что с Короной?

– Надеюсь, у нее все хорошо, – я постарался сказать это со всей возможной уверенностью и быстро сменил тему. – Так что ты планируешь делать дальше?

– Сбежать с войны не выйдет, – Немец пожал плечами, – но я бы хотел использовать кое-какие знания из будущего, чтобы заработать. Может быть, Корона как раз обратит на это внимание и тоже даст о себе знать. А тебе, кстати, из армии и вовсе не стоит спешить.

– Почему? – после выполненного задания я и так не отказался бы еще полетать, но было интересно, что скажет Немец.

– Ты не дворянин, а в Российской империи – это очень серьезный ограничитель.

– Кстати, почему ты сказал, что я механик? Приукрасил бы, что я тоже из благородных, и уже было бы проще.

– И тебя уже через сутки вычислили бы, – Немец замылся. – Не понимаю, откуда... Словно с телом досталось что-то вроде мышечной памяти, но она помогает ориентироваться в местных реалиях. И знание, что ложного дворянина раскроют очень быстро, тоже оттуда.

Вот, значит, как ему удалось так быстро тут обустроиться, это многое объясняло.

– Понятно, – кивнул я. – И серьезное наказание?

– Подлог и обман с целью получения сословных преимуществ – поражение в правах и ссылка. Однако... – Немец сделал паузу. – Твои новости о вражеском наступлении – это очень серьезное дело.

– Да, я понял, мы можем потерять какие-то важные крепости.

– Больше! – Немец вскочил на ноги. – Я тут крутил в голове все, что помню о Первой Мировой, и 1915 год – это же год, когда Германия и Австро-Венгрия вместе навалились на Россию. Мы потеряли сначала Галицию, дальше, чтобы не дать себя окружить, ушли из Польши, а потом... Резкий обход крупными силами с севера, падение Ковно и Новогеоргиевска, под ударом оказывается Вильно, и только в тяжелых встречных боях удается его отстоять.

– Не до конца, – я собрался и тоже кое-что вспомнил. – Немцы снова пошли в атаку. Свенцянский прорыв, под угрозой оказывается уже Минск. Мы снова отбиваемся, но... Вильно все-таки приходится отдать врагу. Вот такие пироги с котятами.

– Виталик тоже так говорил про котят, у бабушки нахватался, – Немец разом помрачнел.

– Значит, – я не дал ему закопаться в себе и вернулся к обсуждению войны, – мы сейчас посередине этой волны. Между Польшей и Ковно. Думаешь, моя информация поможет остановить их наступление на севере? Не слишком ли оптимистично?

– Не слишком, – парень взял себя в руки. – Немцы ведь побеждали не только артиллерией, умением или химией – они брали скоростью, неожиданностью, напором. А теперь мы сможем их этого лишиться. Понимаешь? Если все получится, то именно ты поможешь России сохранить половину Прибалтики и Белоруссии, сотни тысяч солдатских жизней... Да за такое можно не просто на Георгия – тебе его, скорее всего, и так только за угнанный самолет дадут – но и на личное дворянство приказом императора замахнуть. Стране нужны герои.

– А потом революция, – я напомнил, чем закончилась война.

– Если не будет всех поражений пятнадцатого года, то дойдет ли до нее еще, – Немец широко улыбнулся, и стало понятно, что он рассказал мне не все свои планы на новую реальность. Быстро он! Впрочем, он же тут уже неделю, да и в его возрасте изменения проще принять, а вот мне... Я, чтобы пойти в гражданскую авиацию, себя ломал, а тут надо искать свое место в целом новом мире.

– Ваше благородие! – в палатку заглянул незнакомый солдат. – Ротмистр Козлов просит вас с механиком подойти к нему.

– Пошли, – Немец хлопнул меня по плечу. – Познакомлю с начальством, потом Рокоссовский сходит в рейд и... Считай, ты уже дворянин. Хотя бери больше, герой!

Он широко улыбнулся... Очень живо, очень искренне – правда, я почему-то вспомнил в этот момент его обман с самолетом, отказ признавать ошибку, первое предложение выпить в воздухе. Немцу хотелось доверять, но в то же время весь мой опыт подсказывал, что делать это стоит с очень большой оглядкой. Впрочем, здесь и сейчас он точно был на моей стороне.

Мы дошли до большой палатки, где уже собрались все офицеры 6-го эскадрона во главе с ротмистром Козловым, и Немец первым же делом напомнил, что готов поручиться за мои слова головой.

– Головой не надо, – Козлов смерил меня тяжелым взглядом и попросил еще раз все рассказать.

Что было в лагере пленных, как взлетал, что точно видел, отдельно порасспрашивал про поручика Котлинского. По возрасту ротмистру было лет сорок, чуть старше меня. Но массивнее, и взгляд тяжелее. Как успел по пути рассказать Немец, потомственный дворянин из-под Полтавы, закончил кадетский корпус с отличием, попал на Русско-японскую. Был ранен, следующие чины получил уже за выслугу лет, но... Тот первый опыт был им осмыслен, и теперь, прежде чем рисковать вверенными ему людьми, Козлов вопреки своей фамилии собирался сначала всех выслушать и все обдумать.

Рокоссовский, приглашенный на совещание как тот, кто меня задержал, был строго за разведку. Сейчас, зная, кто это, я постарался повнимательнее его рассмотреть. Молодой, щеки толстые, уши большие, волосы вихрами – увидишь и не поверишь, что такой станет целым маршалом. Его начальник, вахмистр Щекин, почти полная его противоположность – в возрасте,

худой, жилистый – был против и настаивал, что нужно сначала получить указания из штаба. Остальные офицеры сомневались и...

– Жалко Илью Карповича, – неожиданно Козлов заговорил не о деле, а о Котлинском. – Я знал его брата, тоже поручик, служил в Осовце. 6-го числа немцы пустили в наши окопы ядовитый газ, но поручик несмотря на страшную боль и неизвестность не растерялся, поднял солдат и отбил штурм. Газеты называли это «атакой мертвецов» – так страшно выглядели люди после того газа. А еще потому что очень многие из них потом так и не оправались. Если встретите поручика Котлинского раньше меня, передайте ему мои соболезнования.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и я неожиданно понял, что мне снова повезло. Меня услышали, мне поверили, но не из-за важности информации, не из-за убедительности моих слов, даже не из-за поручительства и острого языка Немца, а просто по знакомству. Потому что я знал человека, которого сам Козлов уважал, и это неожиданно оказалось важнее всего остального.

– Хорошо продал себя и историю, – Немец стукнул меня по плечу, когда мы вышли на свежий воздух.

Вечерело. Рядом с палаткой крутился чернявый корреспондент какой-то местной газеты. Из богатых, у него даже свой фотоаппарат нашелся, и Немец тут же заказал для нас по паре фотографий. Одну свою, другую совместную.

– Повезло, – непонятно сказал он в ответ на какие-то свои мысли.

– Повезло, – согласился я, думая про то, как завершилось наше дело с немецким наступлением.

– Предлагаю за везение и выпить, – Немец вернулся к своей любимой теме.

Возможно, мне и самому хотелось бы в этот момент расслабиться, но тут мимо нас проехало отделение Рокоссовского. Погоны перевернуты – в лагере они ходили с алыми, цвета полка, а теперь поставили наружу незаметной серо-зеленой изнанкой. Лица серьезные, как будто чем-то намазаны, чтобы не блестели. Маскировка? Я пригляделся и заметил еще несколько характерных изменений. Кокарды сняты, рукояти шашек перевязаны, а на укороченные мосинки надеты штыки. Явно стрелять и шуметь они не собираются, и в случае чего, несмотря на риск, будут работать прежде всего сталью.

– Удачи, – я не удержался и помахал рукой.

Драгуны не ответили, но... На лице ехавшего впереди всех Рокоссовского мелькнула еле заметная улыбка, и он перекрестился. После такого напиться с Немцем совершенно не хотелось, и я, сославшись на усталость, просто отправился спать. Думал, придется искать, где прикорнуть, но армия – это дисциплина. Стоило мне отойти от поручика, как меня перехватил денщик, посланный Козловым. Пожилой мужчина с детскими ямочками на щеках и бегающими глазами показал мне место в общей палатке и даже выделил почти целый матрас, который вызвал немало завистливых взглядов других нижних чинов.

Я решил, что завтра обязательно с этим разберусь, но теперь... И мозг, и тело сошлись в том, что на сегодня нам, пожалуй, хватит. И стоило голове коснуться подложенной под ухо куртки, как я провалился в сон. Мне почему-то снилось то самое болото, куда рухнула «Цесна», и огромная черная тень, которая поднималась из него и нависала над всем миром. Я пытался бежать, пытался бороться, но она словно питалась этими моими попытками и росла, росла, росла...

Я проснулся, когда вокруг еще стояла непроглядная темнота и было слышно разве что шелест деревьев да дыхание соседей по палатке. Можно было заснуть дальше, кошмар уже начал забываться, но... Я почувствовал, что восстановил силы, и раз скоро новый день, то, пожалуй, стоило к нему подготовиться. Вот чему я точно научился за годы подготовки к поступлению, так это нагружать мозги, поэтому и теперь – прикрыл глаза, представил себя в старом зеленом кресле в дедовском кабинете, запах свежей стружки от вырезанных им самим

шахмат и... Начал прокручивать воспоминания о прочитанных книгах. Новые самолеты, старые, совсем уже древние – мне нужны были именно они.

Руки словно коснулись настоящей пыльной обложки, и мысли, еще недавно нервные и суетливые, начали течь плавно, спокойно, а разрозненные факты и полузабытые истории – обростать деталями. Какие были самолеты в это время, что могли – каждую мелочь, каждую деталь, которая поможет мне выжить и найти свое место. Какие были модели, какие двигатели, кто и когда доминировал в небе... Представлять, вспоминать хоть что-то, а потом за эту ниточку вытягивать весь образ целиком.

Неожиданно мое внимание привлекли нарушившие тишину топот копыт и крики. Наверно, Рокоссовский вернулся, а значит, и мне пора подниматься. Я тряхнул головой, пытаюсь избавиться от навалившейся головной боли – вчерашние удары все-таки сказались – откинул полог палатки и... Оказался в аду! Вокруг ржали лошади, бегали люди, а мимо тащили заматанного бинтами раненого. Или, учитывая, что его даже не старались беречь, труп.

Еще один. В мыслях тут же появился привычный рабочий холодок.

– Что случилось? – я узнал в одном из носильщиков солдата, что днем пытался крутить меня после посадки.

– Ты? – он тоже узнал меня и поморщился.

– Что случилось? – повторил я.

– Налетели на германца неудачно. Трое убитых, ефрейтора ранили. Seriously, – солдат сжимал и разжимал пальцы на рукояти носилок, словно раздумывая, врезать мне или нет.

А меня все-таки накрыло. Из-за меня Рокоссовский отправился в этой рейд, из-за меня словил лишнюю пулю и из-за меня у СССР в 40-х не будет одного из лучших маршалов. Как там болтал Немец? Я спас сотни тысяч жизней? Так вот похоже, что наоборот, и теперь из-за меня могут погибнуть миллионы. Вот же зараза!

– Выживет. Он просто должен выжить, – я безумно хотел верить в то, что говорил.

– Наш доктор в таких операциях не силен. Говорит, что даже пробовать не будет, надо везти в центральный... А сколько займет дорога? Не доживет Константин Константинович, и придется его, как Мишку...

Солдат кивнул на лежащий на носилках труп. Я снова взял себя в руки.

Не доживет, если везти... А если лететь? Мне самому ужасно не нравилась пришедшая в голову идея, особенно в свете того, что я успел вспомнить про местные воздушные реалии, но... Если я узнаю, что за самолет у врага, прикину его сильные и слабые стороны, то разве так уж и сложно будет придумать, как все это обойти? Я знаю, а значит, и могу то, что не под силу никому в этом времени.

Я справлюсь!

Надо просто решиться. Черт, Ваня, разве ты не обещал сам себе, что все изменишь?

– Ведите меня к ротмистру Козлову! – то ли попросил, то ли приказал я.

Глава 4

– Как вас подловили? – по пути я попытался узнать у драгуна детали неудачного рейда.

– Аэроплан.

– С неба, значит, заметили. А помнишь, как он выглядел?

– Как все аэропланы, – было видно, что драгун не хочет говорить.

На него давили смерти товарищей, ранение Рокоссовского, мои, как ему казалось, глупые вопросы, но... Надежда, будто еще что-то можно исправить, давала силы сдерживаться.

– Смотри, – я не стал орать, а просто объяснил. – Мне скоро везти вашего ефрейтора в госпиталь. Если немец вас заметил, то, наверно, не только навел наземные части, но и сам проследил дальше.

– Надо же предупредить остальных! – встрепенулся драгун.

– Не надо, командиры эскадрона не дураки и тоже уже все поняли, – я кивнул на пулеметные команды, которые спешно крепили свои «Максимы» на специальные треноги и задирали стволы в небо.

– Это правда, ротмистр Козлов – не дурак, – довольно кивнул драгун.

– Так вот, – я вернулся к вопросам. – Вы тут прикрыты, но в небе немец вполне может попробовать нас с ефрейтором перехватить. И мне нужно знать, чего от него ждать!

– И ты по описанию поймешь?

– Попробую.

– Как моряки по силуэту корабли определяют? – драгун еще больше оживился. – Давай!

– Тогда... Крылья были изогнутые, как у стрижа?

– Нет.

– Значит, не «Таубе», – я отсек самый старый из стоящих на вооружении Германии самолетов. А жаль, с ним было бы меньше всего проблем.

Что дальше? «Авиатик», как у меня, «Альбатрос» и «Эльфауге» – внешне все очень похоже, характеристики тоже примерно одинаковые. Если будет запас по расстоянию, не догонят! Но был еще один вариант, который немцы должны были впервые запустить как раз в августе пятнадцатого... Смертельный вариант! Но не могло же мне настолько не повезти?

– Сколько было крыльев у самолета? – спросил я. – В смысле, сколько рядов? Два, как на моем, или... один?

– Сложно было рассмотреть, – драгун задумался. – Но, кажется, один.

Я сглотнул.

– Звук мотора? – я вспомнил еще одну характерную черту нового самолета. – Гудящий, басистый или резкий, жужжащий? Словно огромный надоедливый металлический комар.

– Точно, комар! – драгун заметил, что я побледнел, и спросил. – Это очень плохо?

– Это «Фоккер»! – выругался я. – «Фоккер Айндекер», новейшая германская машина. На треть быстрее «Авиатика», на котором я прилетел. И ладно бы только это! На ней еще стоит пулемет. Причем не просто пулемет, а со специальным механизмом, который выпускает пули прямо сквозь винт. И если раньше подбить с одного самолета другой было проблематично, то теперь... Недавно немецкий пилот Макс Иммельман вышел на таком «Фоккере» против десяти французов и разогнал их, а одного нагнал и подбил.

– Звучит жутко, – драгун оценил опасность и даже тон сменил. – И вы все равно не боитесь лететь?

Не боюсь ли? Боюсь, конечно. Но могу и точно полечу. Вот только на медленном громоздком «Авиатике» это будет приговором. А вот на «Ньюпоре», ремонта которого дожидался немец, варианты были. Определенно были! Если все сделать правильно, то это не у меня, это у немца не будет и шанса!

Мы как раз дошли до взлетной полосы на окраине лагеря, где даже на расстоянии можно было услышать громовой голос ротмистра Козлова.

– Что значит, вы не можете его починить?

– Мы можем, – хмурый механик, лишь немногим старше Немца, стоял навтыжку перед командиром эскадрона с опущенной головой, но все равно гнул свое. – Можем поставить новый нижний лонжерон, но уже у нас, в мастерских авиаотряда. А здесь – только косынку и проводочную растяжку на нижнее крыло, но этого вполне хватит, чтобы долететь до Волковыска. Главное, избегать слишком резких маневров.

– А я при таком ветре не готов лететь на косынке. До Белостока бы еще ладно, но этот Волковыск еще на сотню километров в сторону! Я свое бревно не просто так получил и лучше знаю, что стоит риска, а что нет! – а вот и Немец.

Кажется, его собирались отправить в небо, и тот изо всех сил старался этого избежать. Вон даже своим французским дипломом авиатора козырнул. И победил... Козлов хотел помочь своему солдату и георгиевскому кавалеру, но ради всего лишь ефрейтора он и так сделал даже больше, чем можно было.

– Ваше благородие! – я припомнил, как тут положено обращаться к поручикам, и поспешил вступить в разговор. – Я опросил драгун из отряда ефрейтора Рокоссовского и узнал, какой именно немецкий самолет тут летает. Это «Фоккер»! Новый «Фоккер Айндекер».

Все трое повернулись в мою сторону. Козлов с недоумением – кажется, не ожидал от нижнего чина такой наглости, механик с задумчивостью – явно пытался вспомнить, слышал ли что-то про подобные самолеты, а вот Немец... Этот слышал, вспомнил, и в его глазах заплескался самый настоящий страх.

– Я же говорил! – он скрипнул зубами с такой силой, что даже я услышал. – Очень хочется помочь ефрейтору, но... «Фоккер» с пулеметом всех собьет.

– Это те самолеты, где поставили «Шпандау» на место наблюдателя? – уточнил механик.

– Новые, стреляют сквозь винт, уже начали бить французов и вот до нас добрались... – тут я увидел, что рядом лежит незамеченный в самом начале Рокоссовский. Забинтован, на животе красное пятно. Он, оказывается, молча слушал весь этот разговор, не подавал виду, как ему больно, но сейчас... Когда надежда умерла, не сдержал еле слышного стога.

– Значит, все, – плечи Козлова тоже опустились.

– Не все! – я продолжал. – Идти в лоб против «Фоккера» мы не сможем, но... Отвезти ефрейтора – очень даже.

– Если большой риск потери самолета, то я не могу это позволить, – Козлов покачал головой. Все-таки было в нем и что-то от фамилии.

– Понимаю, – я закивал, – но армия много просит от простого солдата, так почему бы не дать что-то в ответ, если это ничего не будет стоить?

– Крылов! – рявкнул ротмистр. – Хватит ходить вокруг да около! Что вы предлагаете?

– Вы же сейчас, когда стоянку засекли, все равно будете уводить эскадрон в сторону? Так пусть передовые отряды выдвинутся побыстрее... У «Фоккера» только 4 часа в небе, он точно полетит за ними, проверить куда. А мы тем временем взлетим на «Ньюпоре» с ефрейтором. И никаких боев, никакого риска. Считай, обычный полет.

– Вы полетите? – удивился ротмистр, выделив важное для себя. – Не лучше ли уступить место более опытному поручику Невинному?

Немец снова подобрался, но я его опередил.

– Полечу я. Господин поручик не хотел признавать свою слабость, но при посадке он повредил руку. Нам придется лететь низко и быстро, и тут будут нужны все силы. Я же здоров, цел, курсы пилотов тоже проходил.

– Да я видел, как вы летели, – Козлов задумался. – Не испугались пуль, вели самолет плавно, но хитро... Если господин пилот не против, то я тоже не возражаю.

– Я... – Немец смерил меня долгим взглядом. – Не против. Готовьте самолет к вылету! Последнюю фразу он чуть не плюнул в лицо так нагло спорившему с ним механику, но тот даже не подумал обращать на него внимание.

– Вы пилот? – он окинул меня внимательным взглядом. – Не слышал, чтобы здесь был кто-то кроме поручика.

Ну вот, наша легенда и начала трещать по швам. Думай, Ваня, думай! Как ты в школе врал, когда уроки не выучил, как на работе, опоздав на час, мог целую поэму рассказать. Тридцать лет опыта – это не хухры-мухры.

– Иван Крылов, механик, проходил обучение в Севастопольской школе пилотов, когда в январе расширили призыв, – решение родилось быстро и вроде бы элегантно.

Немец тоже одобрительно кивнул.

– В январе, значит... – механик начал и через мгновение широко улыбнулся. – Я тоже в январе вольноопределяющимся с четвертого курса Политехнического пошел. Взяли рядовым, помощником моториста, а теперь уже младший унтер-офицер. Ой, простите, забыл представиться: Александр Поликарпов.

Поликарпов? Тот самый? Нет... Того Поликарпова из моего времени звали Николаем, да и не служил он на фронте.

– Очень приятно, но... Самолет, – напомнил я и присел, осматривая ту самую «косынку» на нижнем лонжероне, что они тут до меня обсуждали.

Было видно, что деревяшка треснула, но ее зачистили, засверлили, а потом прижали с двух сторон дощечками и затянули болтами. По сопромату, наверно, такая бы не прошла, но выглядела надежно.

– А уже все готово, – механик широко улыбнулся. – Я попросил своего помощника сбежать за сестрой, чтобы перевязала на свежую героя перед полетом. И дальше все зависит от вас. Кстати, вы так уверенно рассуждали про скорости немецких аэропланов – откуда столько про них знаете?

– Так Фоккер собрал свой «Айндекер» на базе планера «Моран-Солнье», а их я в школе не раз видел.

– А разве у нас не WB-версия, которая с двумя рядами крыльев?

– Были и «гэшки», и даже «энки», – не зря спал, не зря вспоминал. Меня было ничем не смутить. – Формально, конечно, их французы только для себя собирают, а Руссо-Балт работает на бипланы, но... Великий князь Александр Михайлович для своей любимой школы и не такие редкости привозил.

– Это да, – закивал Александр. – Даже не знаю, что бы у нас творилось с авиацией, если бы не его императорское величество. Вы же слышали про миллион на закупку аэропланов? Это ведь именно его комитет предложил включить их в смету, и он же договаривался во Франции о первых машинах и обучении...

Договорить мы не успели. Сначала прибежал адъютант от Козлова, рассказал, что через пять минут передовые дозоры уже будут выдвигаться. А потом пришла дородная дама, вдова некоего варшавского торговца, которая после смерти мужа все деньги отдала на благотворительность, а сама прошла курсы сестер милосердия, и вот... В отличие от юных и нежных созданий ей хватило сил и бесцеремонности, чтобы перемотать бинты на Рокоссовском даже без нашей помощи. И ведь ловко как все сделала: ефрейтор собирался сжимать зубы, но в итоге даже не пискнул.

После этого мы окликнули еще пару солдат, и все вместе подняли и закрепили теперь уже не выдержавшего и застонавшего Рокоссовского на месте наблюдателя. Я сначала потянул его назад, но Поликарпов меня одернул.

– Это десятка АВ, а не АР, – поправил он меня, уже без проверки, а как своего. – Место наблюдателя спереди, а не сзади.

Я кивнул, как будто действительно ничего другого не стоило и ожидать, а потом, пока Поликарпов пошел крутить винт и прогревать двигатель, отвел в сторону Немца.

– Улетаю, – сказал я немного неловко. С одной стороны, передо мной вроде бы и взрослый стоит, даже офицер и дворянин, но я-то знаю, что на самом деле это обычный подросток, которому одному опять не на кого будет положиться.

– Понимаю, – Немец потер не сбритую со вчера щетину. – И спасибо за идею с рукой.

– Так хороша?

– Тут доктор из какого-то села, без опыта, он мне без осмотра любые бумаги подпишет. А с ними можно будет уехать в Вильно или даже Петербург. Попробую обустроиться. А ты, – он внимательно посмотрел мне прямо в глаза. – Выживи, Старик. Как те, про кого Корона рассказывала. Выживи! И пиши до востребования на центральный почтамт на мое имя. Буду проверять. Как обустроюсь, отвечу. Мы еще им всем покажем!

– Покажем, конечно.

– А ведь ты хотел стать военным летчиком. Верил там, у нас, что получится?

– Уже нет.

– А от судьбы, оказывается, не уйти, – на его лице мелькнуло очень серьезное выражение.

– У меня будет для тебя подарок, Старик.

– Не надо, – я постарался отказаться. – Тебе же тоже обустроиваться, любая мелочь может пригодиться.

– Мой подарок не мелочь, бери выше, – Немец ответил в своей манере, а потом вытащил из кармана небольшую книжечку, похожую на военный билет, только в толстом кожаном переплете. – Держи, это твой брест.

– Что? – я раскрыл книжку, потом вложенный в нее лист чуть пожелтевшей бумаги.

– Мне уже не пригодится. Не мое это – летать. А вот тебе без документов будет сложно.

Я уже догадывался об этом: встретил всего лишь механика, а даже он меня чуть на чистую воду не вывел. А что было бы дальше? Офицеры ведь вряд ли бы поверили на слово. У меня была надежда, что просто получится заново пройти обучение, но... Подарок Немца все сильно упрощал. Он взял характерную обложку от своего бреста пилота, а вместо старого вкладыша нарисовал почти полную его копию. С моей фотографией. Той, что мы сделали буквально вчера вечером!

– Это... – у меня не было слов. – Как у тебя так похоже вышло?

– Лист, машинку – взял в канцелярии. Печать просто нарисовал, всегда неплохо получалось с красками обращаться, но... Тут почти как у тебя: в художественную школу пойти так и не вышло. Отец не пустил. Кстати, обрати внимание, я твой брест выдал от лица RFC.

– Это же...

– Английская королевская летная школа, – кивнул Немец. – Я решил, что наш диплом слишком легко проверить по номеру, да и не знает тебя никто из тех, кто учился в Севастополе или Питере. С Францией похожая проблема: в любой авиачасти может попасться тот, кто там был и кто станет задавать неудобные вопросы. А вот в Англию наших почти и не отправляли. При этом они тоже союзники, так что брест этот не признать просто не смогут.

– И как бы я туда попал?

– Вали на меня. Мол, за компанию, – Немец снова улыбнулся.

– А то, что я уже про школу в Каче рассказал Поликарпову?

– Поликарпов этот тебе, может, больше и не встретится, так чего бояться. А попадетсЯ, так просто скажешь, что не любишь говорить об англичанах – мол, не уровень это. Тут, главное, побольше уверенности.

В этом он был прав.

– Что ж, английская школа, так английская.

– Вот! Правильный настрой! – Немец стукнул меня по плечу. – Ну, как тебе подарок?

– Идеальный, – я не удержался и в ответ крепко обнял парня. – Спасибо.

– Выживи, – снова напомнил он и кивнул в сторону «Ньюпора», который как раз уже начал стучать потише, а значит, уже скоро...

– Заметили немца! Полетел за разведчиками! – еще один адъютант прибежал от Козлова, и вот теперь точно можно было взлетать.

Самолет уже смотрел против ветра, так что я быстро забрался на свое место, затянул потуже ремни, оглядел полосу – длинная, раза в два больше, чем в прошлый раз – положил ладонь на ручку высоты и... Как и в прошлый раз с «Авиатиком», всё волнение, все страхи ушли без следа. Остались только самолет и голый разум, что направлял его в небеса.

Хотел было попросить придержать хвост, но тут до меня долетели капли выплевываемого мотором касторового масла. Ротативный мотор, мать его, «Гном»! «Гном» – это название, и это чудо было сделано так, что не сразу и поверишь. Обычно в двигателе крутится коленвал, а тут он, наоборот, стоял неподвижно, и крутились цилиндры вокруг него. Кажется, чушь? Но чушь с определенной задумкой. Двигатель давал неплохой крутящий момент даже на низких оборотах, а еще охлаждение – больше движения, больше воздуха, меньше температуры.

Из минусов – я прям видел, как из движка вылетают капли масла. Оно подавалось внутрь вместе с бензином, но не задерживалось, а под действием центробежной силы вырывалось наружу, наполняя воздух ароматом касторки и готовя желудки всех, кто окажется рядом, к неизбежным последствиям. Касторка – это же еще и слабительное, а тут концентрация, дай боже. Кажется, 7 литров в час – неслабый такой расход, но это была не самая большая неприятность. Массивный двигатель своим вращением создавал еще и гироскопический момент. Поднимешь с таким нос самолета – поведет вправо, направишь вниз – потянет влево, причем уже резко. С такими вводными не забалуешь и не расслабишься.

Кстати, может, палка вместо заднего колеса – это не просто блажь, но в том числе и хоть какое-то лекарство против этой напасти? Ладно, на этот раз без экспериментов...

– Удачи! – я помахал рукой земле.

– С Богом! – Поликарпов перекрестил меня, и я отпустил тормоз, позволяя «Десятке» рвануть навстречу ветру.

Хотя как рвануть – такое чувство, что двигался «Ньюпор» даже медленнее более крупного и солидного «Авиатика», при том что более короткое нижнее крыло не спешило набирать подъемную силу. Медленно и долго – раньше мне казалось, что полоса уж слишком длинная, но тут как бы этих шестисот метров вообще хватило. Еще и нос высокий, полосу не видно, и крутящий момент... Даже сильнее, чем я думал, и левая нога уже начала затекать от постоянного нажатия на педаль, чтобы этот занос скомпенсировать.

– Влево... – я как будто опять, словно тогда над болотом, услышал знакомый голос.

И снова тело среагировало на одних инстинктах – зажало педаль. И как же вовремя! Именно в это мгновение хвостовой штырь оторвался от земли, и бешено ревуший движок чуть не бросил нас в сторону. Держим! Жмем! Следующие секунды пролетели в яростной борьбе за равновесие, а потом я сам не понял, как мотор набрал обороты для отрыва – ручка высоты на себя и тут же снова править! На тяжелом «Авиатике» все это тоже было, но плавнее, а «Десятка» вела себя как мотоцикл. Быстро, резко, без шанса расслабиться.

Я еще несколько мгновений привыкал к балансу самолета, давая ему показать норов, и только потом продолжил набирать высоту. Вот внизу мелькнул наш лагерь, лес, откуда-то с запада ветер принес запах гари, пробившийся даже через пелену касторки. Еще выше. Еще! Я забрался примерно на четыреста метров, когда почувствовал, что «Десятка» немного успокоилась. Еще рыскала, ногами постоянно приходилось работать, но, кажется, мы приноровились друг к другу. И я даже начал получать удовольствие от того, что справился с подобной зверюгой.

– Ловко вы, – сквозь рев мотора до меня с трудом долетел голос Рокоссовского. – Я не сказал вам спасибо, но если и выживу, то только благодаря вам.

– Не сглазьте, – я плюнул через левое плечо, и во рту, несмотря на заднее сиденье, тут же появился привкус касторового масла. Горький привкус воздуха, полета и свободы.

Усмехнувшись, но на этот раз стараясь держать рот на замке, я закрутил головой. Мы летели на юг: там наш ориентир – это Неман, около часа вдоль него, потом поворот на восток, обогнуть захваченную немцами Лиду, выйти на железную дорогу и по ней уже спокойно долететь до Волковыска. Такой вот план: звучит непросто, но в теории ничего невозможного. Главное, от «Фоккера» избавились, а значит... Надо просто долететь! Просто...

Неожиданно сквозь шум мотора до меня донесся еще один новый звук. Сначала мелькнула надежда, что это Рокоссовский снова что-то пытается сказать, но нет. Звук больше походил не на голос, а на жужжание стального комара. Резкий, рваный, впивающийся прямо под кожу. Я закрутил головой еще быстрее и почти сразу увидел его. Еще один «Фоккер»! Мы увели одного немца, но этих гадов оказалось двое! Август пятнадцатого года, еще не должны они были летать группами, но... Полетели! Что ж, значит, так и запишем – не прокатило. Самое время переходить к плану «Б».

– Враг, – Рокоссовский тоже заметил чужой самолет.

– Ничего! – я покрепче сжал РУС, прикрыл глаза, представляя в мельчайших подробностях все, что планировал делать в таком случае. – Прорвемся!

Глава 5

«Фоккер» – хищник, один из первых настоящих хищников в небесах. «Ньюпор» – травоядное. Из тех, что могут врезать копытом, сбросить бомбу в полете или вовремя подсмотреть вражеский маневр, но все же... Не приспособлен он к бою против себе подобных. Кажется, шансы не в мою пользу. Но как часто лис может поймать зайца, который его заметил? Я продолжил лететь по прямой, словно ничего и не случилось.

– Враг! – напомнил Рокоссовский.

– Знаю. Ждем!

Думал, надо будет что-то объяснять, чтобы молодой ефрейтор не нервничал или, не дай бог, не начал трясти самолет, но... Константин Константинович оказался из породы людей, что умеют держать себя в руках. Вот и хорошо.

Немец заходил на нас с высоты. Угол атаки не очень большой, но дополнительного ускорения хватало, чтобы сокращать дистанцию. Так-то «Шпандау» мог бы достать нас и с тысячи метров – в теории. Я как-то видел выкладки, и переход этой теории в практику получался в районе одной сотой процента. Именно поэтому пилоты кайзера предпочитали подбираться ближе. Сотня метров – классика воздушного боя Первой мировой. Элита, как тот же Рихтгофен, Красный барон, работали еще плотнее. Двадцать-тридцать метров, и им хватало одной-единственной очереди, чтобы поразить цель.

Погнавшийся за нами «Фоккер» оказался из последних. Девяносто метров, восемьдесят, а он продолжал сокращать дистанцию, даже не спеша выправлять угол атаки. Упорный. Что ж, еще один удачный вариант, когда он мог бы просто расстрелять боекомплект издалека – вычеркиваем... Дальше тянуть было нельзя. Я потянул РУС влево и на себя. На себя, чтобы компенсировать попытку «Гнома» тут же завалить нас носом в землю, а влево – чтобы начать уходить из прицела «Фоккера». Тот почти сразу повернул следом.

Сразу – для случайного наблюдателя. Для меня, который считал каждое мгновение его реакции, между нашими маневрами пролетела целая вечность. Две секунды! Уйдем, теперь точно уйдем! Как по учебнику!

Роман Романович Невинный, он же Немец, стоял, задрал голову, и наблюдал за полетом своего странного взрослого знакомого. Все же он на самом деле странный – ухватился за возможность летать, и даже сама смерть как будто ни капли его не пугала. Неужели это и есть мечта?

– Достанет его германец, ох, достанет! – рядом, точно так же наблюдая за гонкой в небе, замер надоедливый механик с известной фамилией.

– Не достанет, Поликарпов. Зря каркаешь!

– И чего это я каркаю! Вон же, германец снова нагоняет.

– И Старик снова уходит влево, – Немец даже улыбнулся. Насколько же плавно, насколько спокойно это было сделано: он бы так не смог.

– И?

– На две секунды быстрее врага, понимаешь?

– Быстрее, да! Но у того пулемет.

– Значит, не понимаешь. Смотри... Кто выбирает время для начала поворота?

– Старик. В смысле, пилот Крылов. Кстати, почему ты его так называешь?

– Неважно! Первый – Старик. Германец поворачивает следом, отставая на две секунды.

Он быстрее, он режет угол, загоняя «Ньюпор» в прицел, но... Почему он еще не попал по нему? Почему даже не выстрелил?

– Потому что твой Старик потом повернул еще раз, уже направо.

– Именно! Снова он выбирал маневр, снова он был впереди германца на две секунды и... Ты же помнишь какой мотор стоит у нас, какой – у «Фоккера»?

– У нас «Гном-Рон», у них «Оберурсель», наверно.

– Не знаю названия, это уже ваша кухня, – отмахнулся Немец. – Главное, оба ротативные, оба при снижении тянут влево, а значит?

– Правый поворот резко не сделаешь! – понял Поликарпов.

– Точно! И так небольшое время, за которое «Фоккер» мог бы взять «Ньюпор» в прицел, сокращается еще сильнее – это раз. А два – обрати внимание, какие маневры делает Старик, а какие германец.

– Наш работает плавнее, – присмотрелся Поликарпов.

– И снова в точку. Плавнее движение – меньше потери скорости. А германец еще и сам себя загоняет: режет угол в начале, потом пытается поскорее выйти со второй дуги. Смотри, всего два повтора, и он уже отстает метров на двести. И теперь...

– Выше начал забираться, – встрепенулся Поликарпов. – Потом снова разгонится и снова же сядет на хвост Старика! Хотя нет...

Он тряхнул головой и под пристальным взглядом Немца включил мозги.

– И что?

– «Фоккеры» не очень быстро высоту набирают – пока он карабкаться будет, Старик совсем далеко улетит. Выходит, это не опасность, это агония, и... Получается, он справился?

Получается, справился. Немец, уже забыв про недавнее раздражение, пожал механику руку, а потом поспешил по своим делам. Сначала к доктору, где без лишних слов получил свое предписание для лечения. Правда, в Ковно, что в свете возможной потери крепости было не лучшим местом для остановки. Но после того, как он набил руку на бреве Старика, Немец не сомневался, что свое предписание он спокойно исправит сначала на Вильно, а потом и на Санкт-Петербург.

В этом мире его настигло странное чувство. Такого не было в будущем, а тут он словно видел возможности заработать. Видел людей, что могли стать инструментами, и тех, кто был бесполезен. Что-то такое, по слухам, умел его отец, и вот... Теперь этот талант проснулся в нем. Единственный, кого не получалось считать – это Старик, но он улетел, и это теперь было совсем неважно. Этот мир еще обязательно ему покорится!

Ушли от «Фоккера» как от стоячего, все-таки с аэродинамикой у немецких конструкторов не все ладно. Или дело было в том, что пилот еще не привык к новой машине, не доверял ей, а потому управлял ну уж слишком академично и предсказуемо. В любом случае оторвались и ладно. Я немного сбавил темп, чтобы «Ньюпор» перестало потряхивать, поправил курс, чтобы мы летели строго на юг – и теперь все, ждем Неман.

– Свистит! – закричал Рокоссовский со своего места. Я разобрал только со второго раза.

Потом прислушивался, пытаюсь сам вычленить этот звук, и наконец – нашел. Немец, зараза, все-таки разок зацепил нас одной из случайных пуль, и теперь ткань на верхней плоскости крыла примерно в полуметре вправо от фюзеляжа радовала взгляд дырой размером с куриное яйцо. Неприятно, конечно, но деревянные лонжероны и проволочные расчалки не пострадали, на управление одиночная дыра тоже влияла не сильно. На фоне «Гнома» даже незаметно. Было опасение, что она может пойти дальше, но... Я даже привстал, чтобы получше присмотреться: дальше разрыв не шел.

– Лак держит, все нормально! – крикнул я Рокоссовскому и показал большой палец.

Для себя заодно отметил, что в местах касания ткани и каркаса все прошито и проклеено специальными лентами, так что даже если бы эта секция окончательно разошлась, то полностью подъемной силы крыло бы не лишилось. Все было продумано: чем-то похоже на теорию непотопляемости кораблей на море с их изолированными отсеками. Тем не менее, я еще

больше сбавил скорость, стараясь подобрать баланс между подъемной силой и нагрузкой на крыло.

Снова летим. Окончательно привыкнув к полету, я начал еще больше крутить головой. И вид вокруг был такой мирный, такой знакомый. Желтые квадраты августовских полей перемежались с зелеными прямоугольниками лугов и полосками лесов. Все это было натянуто на выпуклости самых разных холмов, добавляя пейзажу флер детской сказки. По крайней мере, пока не показались первые дымы, и почти одновременно с ними не донеслись звуки далекой канонады и винтовочных залпов. Война не давала о себе забыть и вскоре добавила ко всему этому траншеи и тянущиеся куда-то в тыл колонны неизвестного русского полка. Три километра в длину – теперь, после рассказа поручика Котлинского, эта цифра намертво отложилась в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.